

ГЛАВА ПЯТАЯ

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

История Локарнского пакта — это уравнение, по меньшей мере, с одним неизвестным, которым в данном случае являются конкретные формы всей напряженной политической работы, протекавшей по ту сторону официальных и публичных актов и выступлений. Потребуется полное издание документов дипломатических архивов европейских, — и не только европейских — кабинетов, чтобы выяснить конкретные черты, реальные формы того, что скрывается за этим неизвестным. Такое *Quellenforschung* должно внести некоторые коррективы в имеющиеся теперь анализы проблемы Локарнского пакта и его истории, но заранее нужно сказать, что те из анализов, которые не являются прямой и грубой производной политических настроений и политической апологетики, сохраняют свою объективную ценность хотя бы потому, что корректив этот внесен рассмотрением самых основ мировых хозяйственных и политических соотношений, взятый во всей их совокупности. В этом смысле, принципиально можно признать наличие общей перспективы в вопросе о заключении гарантийного договора. Внешняя же сторона дипломатической практики в таких условиях приобретает особый интерес, ибо она становится символом того, что остается неизвестным, — символом до некоторой степени освещающим или проверяющим общую концепцию и детали анализа данной проблемы.

Однако, символ — не реальность, и проследить политику Германии в вопросе о заключении гарантийного пакта тем более трудно, что она протекала в сложном круговороте и напряженной активности других государств, участников и неучастников Локарнской конференции. В условиях, с одной стороны, вынужденной ограниченности источниковедения проблемы, а с другой стороны, тематически ограниченной ее постановки, — остается только пунктиром наметить основные контуры фактов и ситуаций, в которых германская политика прокладывала себе путь в направлении к Локарнскому пакту, и далее — к Лиге Наций, уравнивавшая ре-

зультаты этого своего поворота на Запад, важнейшими актами своей политики на Востоке — советско-германским торговым договором и договором о нейтралитете. Не следует только забывать, что контуры эти носят чисто-внешний характер, а угол зрения, при котором в фокус попадает не вся проблема во всей своей сложной целостности, а лишь один ее разрез, соответственно с постановкой общего вопроса, взят в известной мере ограничительно.

Формально инициатором гарантийного пакта является Германия, — но фактически, главным автором всей Локарнской конструкции, является английская политика. Уже в этом одном сказывается все своеобразие той ситуации, которая создана была на основе проведения плана Дауэса. Гарантийный договор не является, конечно, разрешением проблемы безопасности, но было бы также ошибкой рассматривать Локарно, как простое завершение развития этой проблемы. И выдвижение вопроса о гарантиях и ее последующая история — вплоть до Локарно, отражают в себе основное соотношение сил на арене международной политики каждого данного момента, — и потому-то на различных этапах своей истории проблема эта являлась особой величиной, неразрывной с общим контекстом сложившейся системы. И если сравнить тот объективный смысл, который лежал в, так называемой, проблеме безопасности в ее первичной постановке и в ее Локарнском разрешении, — то основные контуры грандиозного перелома, сдвига и перегруппировки сил получат достаточно ясный облик.

То, что на языке французской дипломатии называлось гарантией безопасности, — на языке реально-политического соотношения сил означало, как было указано, гарантии военного перевеса Франции в Европе. Самый вопрос о необходимости для Франции добиться гарантий своей безопасности, особенно резко был выдвинут в 1916 году. Тогда, в условиях напряженной борьбы, лозунг безопасности имел двоякий смысл: консолидации внутренних сил страны и дипломатического маневра для получения предварительного согласия союзников в деле осуществления одного из главных пунктов программы французского империализма — утверждения на Рейне. Компенсированное согласие России поддержать эти крайние требования французского империализма формально явилось предоставлением реальной гарантии безопасности. Парижская конференция Антанты отказалась санкционировать французские притязания, выработала известный, зафиксированный в Версальском трактате, компромисс, и компенсировала за это Францию договором англо-американской гарантии от нападения Германии. По сравнению с первоначальными проектами французского империализма, это означало некоторое отступление и при-

том под напором англо-американской политики. Впоследствии, как указывалось, подписанный Великобританией и Соединенными Штатами (28 июля 1919 г.) договор, гарантирующий Франции безопасность, ратифицирован не был, и это развязало руки французской политике и дало возможность ей снова выступить более самостоятельно, при том, хотя и в различных направлениях, но сходящихся в едином центре основной программы. Франция добилась через Лигу Наций передачи Верхней Силезии Польше, проводя этим самым линию территориального расчленения и экономического ослабления Германии за счет увеличения мощи своей восточной союзницы,—и тем самым расширяя барьер, проложенный между Германией и Советской Россией. Кроме того, Франция предприняла в Лондоне шаги, чтобы добиться нового гарантийного договора. На сей раз предлагаемый проект свидетельствовал о новой попытке французского империализма захватить инициативу в свои руки и вовлечь Великобританию в свои собственные политические комбинации, сделать ее могучим, но подсобным орудием в утверждении и расширении своего влияния в Европе. Представленный проект имел в виду установление не односторонней, как это было ранее,—а обоюдной англо-французской гарантии от нападения Германии,—гарантии распространяющейся на Польшу, союзницу Франции по договору 1921 года. Но Великобритания этот проект отвергла и противопоставила ему известный Каннский проект Ллойд-Джорджа. При нарастающей тогда активности французского империализма этот английский проект, по существу, означал, не только и не столько одностороннюю гарантию, предоставляемую Франции, но и гарантию Германии от подготовляемого французского вторжения в Рур. Отказ включить Польшу в сферу действия подготовляемой гарантии—выражал собой политическую тенденцию к тому, чтобы установить в системе международно-политических отношений Западной Европы относительное равновесие сил. Подобное разрешение проблемы гарантии означало бы подрыв французской гегемонии в Европе и закрепление за английской политикой на ближайшее время роли арбитра франко-германских отношений, под известным углом зрения являющихся центральным пунктом, вокруг которого переплетаются или к которому стягиваются другие элементы европейской политики. Новая попытка связать активность французского империализма не удалась. Захват Рура и поддержка рейнского сепаратизма — являлись самостоятельным выступлением французской политики, но и эти грандиозные, хотя в результате и неудавшиеся попытки утвердить свою гегемонию в Европе — проходили под прикрытием все того же лозунга о создании условий француз-

ской безопасности. Все эти попытки разрешения проблемы безопасности, если каждую из них рассматривать в определенном контексте общей тенденции и соотношения сил,— являлись одной из форм англо-французской борьбы. В лучшем случае, Германия играла в этой борьбе роль объекта, в худшем случае, борьба велась непосредственно за ее счет, но как бы то ни было в разрешении вопроса о безопасности, который по существу должен был бы являться вопросом о безопасности разоруженной Германии, последняя не являлась субъектом самостоятельной политики. Когда французские планы вторжения в Рур стали очевидны, Германия пыталась предотвратить надвинувшуюся опасность, сделав в Вашингтоне предложение, согласно которому «державы, имеющие интересы на Рейне, т.-е. Франция, Великобритания, Италия и Германия, должны торжественно согласиться между собой и обещать правительству Соединенных Штатов не прибегать к войне друг против друга в течение периода жизни одного поколения, не будучи к тому уполномоченными посредством плебисцита своего собственного народа»¹. Эта апелляция к Америке являлась первой попыткой Германии освободиться от той роли, которая ей предоставлена была системой Версальского мира и развернувшимся на этой основе англо-французским соперничеством. Но общие предпосылки вмешательства Америки в европейские дела еще не созрели, и благодаря твердой позиции французской политики германское предложение не привело ни к каким реальным результатам. Когда вторжение французов в Рур стало совершившимся фактом, германское правительство снова попыталось поставить вопрос о безопасности, заявив, что оно «готово заключить всякое соглашение, обеспечивающее мир и основанное на взаимности; в частности, оно готово заключить соглашение, обязывающее Германию и Францию улаживать путем мирной международной процедуры все споры, которые могли бы возникнуть между ними и которые не могли бы быть урегулированы в дипломатическом порядке»². Германия предлагала установить процедуру арбитража,—принцип в будущем широко развернутый в Лондоне, при разрешении репарационного вопроса, и в Локарно, при разрешении вопроса о гарантиях безопасности,—но теперь не было еще той силы, которая могла бы заставить Францию принять эти связывающие ее условия. Германское предложение повисло в воздухе, как и последующее³, касающееся заключения так наз. Рейнского пакта.

¹ Materialien zur Sicherheitsfrage. I. 1925. S. 10.

² Нота от 2 мая 1923 г.

³ Речь германского канцлера Штресемана в Штутгарте 2 сентября 1923 года.

Тот перелом в системе международно-политических отношений, который зафиксирован был в постановлениях Лондонской конференции, естественно, отразился и на судьбе проблемы гарантий. Уже выработанные условия осуществления плана Дауэса,—в частности, в вопросе о восстановлении экономического единства Германии, об ограничении компетенции репарационной комиссии, о запрещении самостоятельного применения санкций,—свидетельствовали о том, что проблема гарантий поставлена на сей раз под углом зрения интересов англо-американского капитала, получившего преобладающее влияние в Европе. Относительный отход Америки от политики самоизоляции, некоторый поворот в сторону активного вмешательства в европейские дела выразился в предоставлении Лиге Наций,— правда, в неофициальном порядке, а через «частных» лиц (генерал Блисс, проф. Шотуал и др. видные сотрудники Вильсона на Парижской мирной конференции) американского проекта договора всеобщей гарантии и разоружения. Самое появление американского проекта казалось весьма симптоматичным, а отразившиеся в его условиях тенденции, своеобразный характер и специфические интересы американской политики сыграли свою роль. Не возвращаясь к старой вильсонистской программе, обязывающей и связывающей Соединенные Штаты своим пунктом о военном вмешательстве, новый американский проект¹ покоился на двух основных принципах: обязательный арбитраж и экономические санкции против нападающей стороны. Все это свидетельствовало о попытке Америки усилить свое влияние в Европе, и при том не связывая себя: Соединенные Штаты могли бы мощью своего экономического влияния проявить в нужном случае достаточное давление, но, с другой стороны,—если потребовалось бы, и противодействие экономическим санкциям. С американским проектом пришлось считаться и из него исходить, тем более, что его «невоенный» характер вполне соответствовал той пацифистской форме переговоров между Мак-Дональдом и Эррио, за которой протекала англо-французская борьба. Французская политика, потерпевшая столь сильное поражение на Лондонской конференции, пыталась, при активном содействии Польши и Чехо-Словакии, снова укрепить свое влияние таким международно-политическим актом, которым Великобритания оказалась бы привязанной к необходимости поддержания системы, созданной на Парижской мирной конференции. Франция пыталась как бы взять реванш за исход Лондонской конференции, и этим реваншем являлся при-

¹ Текст американского проекта договора о разоружении см. «Международная Летопись». 1924. № 1.

нятый Советом Лиги Наций 2 октября 1924 года, известный Женевский протокол, являвшийся обычной французской концепцией гарантийного договора, хотя и модифицированной под влиянием американского проекта и английского противодействия. Об'ективное же значение этого протокола заключалось в вовлечении Великобритании в круг международно-политической системы, направленной непосредственно против усиливающейся Германии, в которой вскоре после Лондонской конференции началось довольно широкое движение, требующее пересмотра ее восточных границ. Избежав ранее требуемого Францией предоставления гарантии Польше и Чехо-Словакии, Великобритания Женевским протоколом оказалась все же связанной и в этом вопросе общей формой гарантии. Женевский протокол, как и все прежние проекты, был составлен без Германии, и, по существу, направлен против нее.¹

Понятно, что Франция поспешила первой подписать этот протокол, а Чехо-Словакия первой его ратифицировать. Но и эта последняя попытка французской политики не удалась, ибо она уже не соответствовала соотношению сил в Европе. Английские доминионы отказались дать свое согласие на условия Женевского протокола, и консервативный кабинет, пришедший на смену рабочему правительству Мак-Дональда, воспользовался этим, отверг протокол и стал работать в ином направлении. Женевский протокол провалился вместе с последней попыткой французской политики удержать свои позиции. «Много шума и мало толку, (Much cry and little wool), — по выражению одного английского писателя, — является, быть может, лучшей для него эпитафией».²

Новая страница в истории вопроса о гарантийном договоре открылась самостоятельным выступлением германского правительства. Нет никаких сомнений в том, что этому формальному акту предшествовали оживленные переговоры между заинтересованными сторонами, — и в первую очередь между Англией и Германией. Проведение плана Дауэса, экспансия англо-американского капитала в Германию — искали гарантий в соответствующем оформлении политических условий Европы, и поставили германскую политику на перепутье, перед необходимостью выбора между Восто-

¹ «Те методы были методами гарантийного пакта между союзниками и направлялись, в случае возникновения некоторых обстоятельств, против Германии». Из речи британского статс-секретаря по иностранным делам Остина Чемберлена в палате общин 24 июня 1925 года.

² George Glasgow. Macdonald as Diplomatist. The Foreign Policy of the First Labour Government in Great Britain. With a Foreword by G. P. Gooch. London. p. 267.

ком и Западом. Имеются сведения, что одним из методов нажима английской политики на Германию была угроза гальванизировать Каннский проект англо-французского одностороннего гарантийного договора¹. Можно также предполагать активную роль в деле германского выступления не только Англии (в частности ее посла в Берлине лорда д'Абернона), но и Америки. 9 февраля 1925 года французскому правительству был вручен германский меморандум, формально положивший основу для дальнейших переговоров. Германское правительство, напоминая о проекте гарантийного и арбитражного договора Куно (в декабре 1922), предлагало государствам, имеющим интересы на Рейне, заключить договор, гарантирующий неприкосновенность территориального status quo на Рейне и демилитаризованной зоны. Вместе с тем германское правительство предлагало заключить широкий арбитражный договор, «гарантирующий мирное разрешение юридических и политических конфликтов», с Францией, а также с любой другой иностранной державой. Это означало, что совместная гарантия Германии, Франции, Англии и Италии должна распространяться только на западные границы, а границы между Германией и Польшей, и Германией и Чехо-Словакией гарантируются только специальными арбитражными договорами. Такая система договоров, гарантийного и арбитражного характера, подрывала тенденции французской политики к расширению своего влияния в Европе, и в значительной мере притупляла острие военных союзов, заключенных Францией с Польшей и Чехо-Словакией. Дабы скрыть эту неприглядную для французской политики перспективу, с германской стороны было высказано предупредительное согласие рассматривать предлагаемый гарантийный пакт, как подготовку для будущего осуществления похороненного Женевского «Протокола о Мирном Улажении Международных Споров». Это согласие германская политика положила на дно своего меморандума, заранее зная, конечно, что дно это в надлежащий момент окажется выбитым английской политикой, всегда рассматривавшей Женевский протокол, как нечто неприемлемое и мертворожденное, и теперь развившей большую активность для осуществления тех принципов, которые были ею инспирированы и, таким образом, положены в основу германских предложений. Эти принципы достаточно отчетливо были формулированы британской политикой в специальном секретном,

¹ Otto Kriegk. Locarno Ein Erfolg? Eine kritische Studie der Verträge von Locarno und ihrer Vorgeschichte. Mit den Wortlaut der Verträge vom Locarno und einem Vorwort von Staatsminister von Loebell. Berlin. 1925. S. 22.

но проникшем в печать, меморандуме, составленном вскоре после сделанных Германией предложений¹.

В своем анализе общеевропейской ситуации, предвещающем и оправдывающем предлагаемые политические выводы, меморандум намечает основные международно-политические проблемы, как они понимаются под специфическим углом зрения интересов английской политики: «...Здоровая английская политика должна следовать всецело и исключительно по линии британских интересов. Путь слишком темен для того, чтобы как-либо считаться с другими или куда-либо уклониться». И как основную задачу английской политики автор меморандума — руководитель Форейн-Оффиса Остин Чемберлен, — считал устранение опасности, которая может грозить Великобритании в случае, если какая-либо держава или коалиция держав окажется господствующей на протяжении всего Канала или над всеми портами Северного моря, и, таким образом, получит базу для нападения с воздуха. Однако, это как бы исходное изображение оборонительного военно-стратегического порядка в дальнейшем разворачивалось и широкую программу выступления английской политики на континенте в целях перегруппировки сил и перестройки всей системы международно-политических отношений, созданных на основе Версальского договора и осуществления плана Дауэса. Проблема гарантий получила иной реально-политический смысл, и работа над этой проблемой означала построение такой системы отношений, в которой английская политика играла бы доминирующую роль. Политика одиночества, эпоха «блестящей изоляции» отошла для Англии вместе с ее положением мирового промышленного гегемона — в область прошлого. «Подобный курс, по выражению меморандума, — еще в пределах возможного для мощной и далеко лежащей Америки, но британская политика не может идти по этому пути. История и экономика показывают, что изоляция при современных условиях означает опасность, уязвимость и бессилие. Географические условия и воздухоплавание делают то, что изоляция для нас не является естественным положением». И как выход из этого положения руководитель английской внешней политики предлагал более тесное сближение с Францией и Бельгией и предоставление гарантии неприкосновенности их территории. Построением новой Антанты между Британской империей и Францией предполагалось заставить последнюю восстановить ее финансовую систему, вернуться к политике уплаты долгов, эвакуировать Рейнскую область и прекратить поддержку Малой Антанты. В этой идее новой

¹ Британский секретный меморандум. «Europäische Gespräche», 1925, № 9, и «Международная Летопись», 1925, № 8—9.

англо-французской Антанты проявились, таким образом, все те же тенденции английской политики отбросить Францию от занятых ею позиций за счет увеличения своего собственного влияния,—и при том в довольно своеобразной форме,—путем создания для себя другой опоры в лице германской политики. Такая опора мыслилась путем заключения гарантийного договора относительно франко-германской и германо-бельгийской границы, а с другой стороны путем вовлечения Германии в Лигу Наций, предоставления ей постоянного места в Совете Лиги, и эвентуальной постановки вопроса о Силезии и Польском корридоре. Подобная англо-французская Антанта, форма которой даже в основных чертах не была еще разработана, если бы была осуществлена, весьма напоминала бы союз всадника и лошади, но и в таком виде она была отвергнута британским кабинетом. Английская политика еще более определенно встала на путь, лишь намеченный в меморандуме: отказавшись от политики «настойчивости союзника» по отношению к Франции, и тем самым от односторонней гарантии французских границ, она пыталась сохранить свободу рук и утвердиться в своем руководящем значении, путем заключения пакта, взаимно гарантирующего границу между Францией и Германией и связывающего обе стороны. В эту комбинацию западно-европейских держав Германия, таким образом, должна была быть включена как самостоятельная сила, уравнивающая французское влияние, объективно тем самым поддерживающая положение Великобритании в Европе и заинтересованная, в первую очередь, в ревизии своих восточных границ. Устанавливая в Европе некоторое равновесие между Францией и Германией и всего комплекса переплетающихся тут отношений, на основе своего постоянного и обязательного контроля, английская политика страховала себе тыл и создавала себе некоторую свободу действий для борьбы с Востоком, и в частности,—с Советским Союзом. В этом смысле весьма характерной чертой английского меморандума является то, что первым и как бы исходным пунктом в предпринимаемом анализе сложившейся в Европе ситуации поставлен вопрос об отношениях к Советскому Союзу. «Русскую проблему,—так начинается меморандум,—эту вечную, хотя и неясную угрозу, можно охватывать, лишь как проблему; невозможно предвидеть, какое влияние на будущее состояние Европы будет иметь состояние России. С одной стороны, верно, что ощущение неустойчивости, от которого страдает здоровье Западной Европы, не в малой степени вызывается исчезновением России в качестве одной из значительных держав Европейского концерта; с другой стороны, русский вопрос в настоящее время есть скорее вопрос азиатский, чем евро-

пейский. Завтра, может быть, Россия будет иметь решающее значение в континентальном равновесии, сегодня же она нависла, как грозовая туча, над восточным горизонтом Европы—угрожающая, не поддающаяся учету, но прежде всего обособленная. В известном смысле, Россия, таким образом, не только не является фактором устойчивости, но служит скорее самым опасным из моментов нашей необеспеченности; поэтому необходимо формулировать политику гарантии, вопреки России и даже в виду России».

В таких условиях включение Германии в английскую политику гарантии должно было вызвать сдвиг германской политики в сторону сближения с Англией против Советского Союза. Основные линии отношений в треугольнике: Англия—Германия—Советский Союз сказались уже в том, что Германия в сделанном ею предложении гарантийного пакта обошла многозначительным, в контексте сложившихся англо-советских отношений, молчанием вопрос о своем вступлении в Лигу Наций, между тем, как не только последующая программа английской политики, но и цитированный меморандум, переносивший центр тяжести, в общем, на сближение с Францией, сразу предупредительно ставили вопрос о предоставлении Германии постоянного места в организации, где влияние Англии все более становилось преобладающим—в Совете Лиги. Сделанное Германией предложение гарантийного пакта без упоминания вопроса о своем вступлении в Лигу Наций, знаменовало собой попытку сохранить свободу рук, не обострять отношений с Советским Союзом и тем самым иметь широкую возможность маневрирования между Востоком и Западом, иметь козырь в той большой политической игре, которая выпала на ее долю в условиях напряженности англо-советских отношений.

Германское предложение было весьма холодно встречено в Париже, по подобно тому, как было с появлением этого предложения, французский ответ был продиктован английской политикой, обладавшей и тут сильным средством давления: дело в том, что протекавшие между Парижем и Лондоном переговоры о консолидации долгов ставили французскую финансовую систему в зависимость от английских банков и, таким образом, соотношение сил, столь драматически сказавшееся на Лондонской конференции, когда французской политике и ее послевоенным методам пришлось отступить перед требованием англо-американского финансового капитала,—продолжало свое действие. Французский ответ очень задержался благодаря той борьбе, которая разыгралась вокруг него внутри Франции и с другой стороны, между Францией и Англией. Проект от-

вета путешествовал из Парижа в Лондон и обратно, пока, наконец, 16 июня был в Берлине вручен французским послом германскому министру иностранных дел Штресеману. И уже первым условием для дальнейших переговоров о гарантийном пакте французский ответ требовал ясности в вопросе о готовности Германии вступить в Лигу Наций на условиях, определенных письмом Совета Лиги от 13 марта 1925 года. Ссылка на это письмо явно свидетельствовала о победе английской точки зрения.

История германских попыток войти в Лигу Наций неразрывно связана со всем ходом англо-французских отношений, в частности, является оборотной стороной попыток Англии вовлечь Германию в Лигу, превращающуюся в орудие ее преобладающего влияния. До-Локарнская история этих германских попыток внешними фактами,—поскольку они известны,—не богата. Впервые Германия выступила с просьбой о принятии ее в Лигу Наций еще при подписании Версальского договора, но тогда эта просьба была, как известно, отвергнута. Переломным моментом в этом вопросе оказалась опять-таки Лондонская конференция, после которой германское правительство на специальном заседании (23 сентября 1924 года) «решило добиваться немедленного вступления Германии в Лигу Наций». 29 сентября Германия обратилась к правительствам, представленным в Совете Лиги, с меморандумом, в котором ставились следующие вопросы, «являющиеся, как гласит документ, по своему значению решающими с точки зрения сотрудничества Германии в великом деле, лежащем на Лиге Наций»: 1) предоставление Германии постоянного места в Совете Лиги, а также равноправное участие в секретариате и в других органах Лиги, 2) оговорка ст. 16 статута Лиги Наций,—статьи, обязывающей членов Лиги выступить против государства, признанного наступающей стороной, 3) оговорка статьи 1-й статута Лиги Наций: требуемая от вступающего в Лигу декларация, гарантирующая соблюдение международных обязательств, «не должна быть истолкована в том смысле, что германское правительство признает справедливым утверждения, послужившие для мотивировки этих обязательств и подразумевающие моральную виновность германского народа», 4) активное участие Германии в системе колониальных мандатов.¹

В своем ответе правительства, представленные в Совете Лиги Наций, заявили, что они будут считаться с желанием Германии участвовать в Совете Лиги, однако,—и это весьма характерно,—отклонили германскую постановку вопроса

¹ Journal officiel de la Société des Nations. 1925. p. 323 и сл., 490 и сл.

относительно ст. 16 статута, ссылаясь на то, что в этом вопросе компетентна лишь Лига Наций, как таковая. Следующим сдвигом в вопросе о вступлении Германии в Лигу Наций явилась нота германского правительства генеральному секретарю Лиги Наций от 12 декабря 1924 года, т.-е. незадолго до формального предложения начать переговоры о заключении гарантийного пакта. Германская нота сводилась к аргументации перед учреждением, формально оказавшимся единственным компетентным, невозможности для разоруженной Германии безоговорочно принять ст. 16 статута Лиги Наций: «Германия находится в состоянии полного военного бессилия посреди сильно вооруженной Европы. Если меры, предусмотренные в статье 16-й, поведут к военным событиям, то Германия не будет в состоянии оказать действительного сопротивления военному вторжению на ее территорию. Она оказалась бы в полной зависимости от военной защиты членов Лиги, но без того, чтобы эти последние были принуждаемы к ее защите. В большинстве мыслимых случаев она была бы прямо предназначена стать театром европейских войн Лиги Наций. Если даже нарушителем мира и не явится государство, непосредственно граничащее с Германией, — то и в этом случае она должна опасаться, что война, в силу неблагоприятного течения военных операций, перенесется на ее незащищенную территорию». И как выход из этих затруднений, Германия требовала, чтобы ей была предоставлена «возможность в случае международных конфликтов, самой определить размеры своего активного участия... В противном случае вступление Германии в Лигу Наций вынудило бы ее отказаться от последнего средства защиты разоруженного народа: от нейтралитета». Статьей 16-й статута Лига Наций Германия могла быть привлечена к активному выступлению против Советского Союза, в случае, если последний будет объявлен Лигой нарушителем мира. Германия обязывалась тем самым пропустить через свою территорию иностранные войска, т.-е. превращалась в плацдарм для возможного наступления на Советский Союз, и тем самым добровольно и без каких бы то ни было компенсаций включалась в систему английской политики, делала политический поворот на Запад и ставила под удар благоприятно развивающиеся отношения с Востоком.

Германии долго пришлось ждать ответа на свою ноту Лиге Наций — целых три месяца. За это время основные контуры гарантийного пакта стали обрастать живой политической тканью, и 13 марта 1925 года Совет Лиги Наций послал германскому правительству ответную ноту, в которой, между прочим, было указано, «что род и значение действительного участия государств-членов в военных операциях,

предпринимаемых Лигой Наций во исполнение договора, по необходимости оказываются различными в зависимости от их военного положения». Вместе с тем Германии было сделано напоминание, что в выработке условий применения указанных в статуте санкций против государства, признанного нападающей стороной,—принимают участие все члены Лиги Наций и ее Совета,—и, следовательно, Германия получит возможность отстаивать свои интересы. На этом основании требуемая ею для себя специальная оговорка отклонялась: «Постановления Статута не позволяют, в случае действия, предпринятого в силу ст. 16, предоставить каждому государству, члену Лиги, свободно и окончательно решать, должно ли оно в нем участвовать... Совету кажется невозможным, чтобы член Лиги и Совета, в случае начатых операций против государства нарушителя статута, сохранял положение, дающее возможность его гражданам избавиться от общих обязательств, налагаемых статутом».

Именно эти условия и имел в виду французский ответ на германское предложение заключить серию договоров гарантийного и арбитражного характера, когда настаивал на предварительном принципиальном разрешении вопроса о вступлении Германии в Лигу Наций. За этой тождественностью пред'являемых Германии требований со стороны французской политики и Лиги Наций, т.-е. в данном случае—политики британского империализма стояли, однако, различные определяющие мотивы: Англия имела в виду отрыв Германии от Советского Союза, вовлечение Германии в сферу своей антисоветской политики и создание обстановки полной изоляции для Советского Союза, создание в Центральной Европе надежной базы и обеспечение тыла для наступления на Восток, между тем, как французская политика усматривала в ст. 16 статута Лиги Наций возможность установления своего контроля над деятельностью Германии, которая в условиях политических и военных осложнений в Восточной Европе могла бы стать опасной в том смысле, что в благоприятный для себя момент получила бы возможность приступить к ревизии своих восточных границ, т.-е. изменить в свою пользу и в ущерб Чехо-Словакии и Польше территориальные отношения данного участка послеверсальской Европы.

На поддержании и неприкосновенности условий Версальского договора Франция особенно настаивала, и это было особо оговорено в ее ноте (п. 2) и затем красной нитью проходило через все этапы переговоров о заключении договоров гарантийного и арбитражного типа. Своеобразной чертой этих франко-германских переговоров являлось то, что выступления обеих сторон в той или иной мере являлись результатом переговоров и борьбы с третьим лицом—

с английской политикой. Франция формально выступала от имени своих союзников. Это делало ее требования более полновесными, но с другой стороны, это притупляло французскую концепцию гарантийного пакта: в переговорах между Парижем и Лондоном, предшествовавших формальному ответу на германскую ноту, по целому ряду кардинальных вопросов, связанных с построением и практикой договоров о гарантии и арбитраже — восторжествовала английская точка зрения. Английская политика настояла на том, чтобы из проекта французского ответа были исключены или до последней степени смягчены все те моменты, которые давали бы возможность предполагать расширение гарантии на восточных союзников Франции и на их арбитражные договоры, заключенные с Германией. «Наши новые обязанности,—заявил Чемберлен в палате общин 24 июня 1925 г.,—будут строго ограничены границей между Германией, с одной стороны, и Францией и Бельгией, с другой. На нашу гарантию этой границы не сможет ссылаться нарушитель для прикрытия своего правонарушения, и наша гарантия будет только тогда проявлять действие,—но в этом случае проявлять его незамедлительно,—если нарушитель, вопреки арбитражным договорам и обязанностям по статуту, прибегнет к силе». Это выступление ответственного руководителя английской внешней политики еще в одном отношении весьма знаменательно: оно рассеяло всякие сомнения относительно реального смысла тех гарантий, предоставлением которых Франция предполагала обеспечить арбитражные договоры между ее восточными союзниками и Германией. Вступление в силу этой французской гарантии единственно-возможным путем, продвижением французских войск через рейнскую демилитаризованную зону,—ограничивалось необходимостью выполнения обычной процедуры, предусмотренной пресловутой ст. 16 Статута Лиги Наций. Таким образом, рейнским гарантийным пактом и действием этой статьи устанавливался сдерживающий контроль Англии над послевоенными тенденциями французской политики к самостоятельным активным выступлениям против Германии, а также контроль над отношениями между Францией и ее восточными союзниками. С другой стороны, этой статьей Германия принуждалась итти в фарватер антисоветской политики британского консервативного кабинета. Не случайно, в этом смысле, Чемберлен в своем выступлении настаивал на одновременном, с подписанием гарантийного договора, вступлении Германии в Лигу Наций, дабы она «приняла вместе с правами также и обязанности всякого другого члена Лиги», сделав при этом предварительно многозначительный намек на открывающуюся перед Германией возможность, находясь внутри

Лиги Наций, добиваться легального пересмотра условий Версальского трактата¹.

Последнее замечание, выраженное в весьма туманной и необязывающей формулировке, не было пущено в воздух,— и это видно из того, что оно было подхвачено в германском ответе на французскую ноту. Под влиянием усилившегося в Германии движения против заключения гарантийного договора, как акта связывающего, утверждающего условия Версальского трактата и обостряющего отношения с Советским Союзом, германское правительство отводило настойчивость французских указаний на неприкосновенность Версальского договора и решилось осторожно, но довольно определенно развить тот тезис, который был, в виде намека, брошен с парламентской трибуны в Лондоне. Из всей этой контрверзы с германской стороны делался вывод о том, что заключение гарантийного пакта непосредственно и благоприятным образом отразится «на положении вещей в оккупированных территориях и вообще на вопросах, относящихся к оккупации». Далее, выясняя свою позицию по вопросу о характере арбитражных договоров и о правах гаранта, германское правительство вновь возвращалось к вопросу о вступлении в Лигу Наций, и в связи с этим к вопросу о статье 16 Статута Лиги. В основном германская политика сразу пошла на уступки, отказавшись от своей первичной позиции и согласившись на англо-французское требование рассматривать проблему безопасности в неразрывной связи с вопросом о своем вступлении в Лигу Наций. Второй вопрос—о действии статьи 16 Статута—тактически связывался с проблемой всеобщего разоружения, до урегулирования которой Германия требовала для себя особого временного решения, учитывающего ее положение, как с военной и экономической точки зрения, так и с точки зрения географической.

Германской политике пришлось претерпеть сильное давление,—и при том по двум линиям. С французской стороны последовал ответ, в котором явно сказалось форсирующее и регулирующее влияние английской дипломатии. Обходя центральный для Германии вопрос, с точки зрения места, занимаемого ею в системе международно-политических отношений между Востоком и Западом,—вопрос о статье 16 Статута, ссылкой на единственно-имеющуюся правомерную тут компетентность Лиги Наций, Франция от имени всех союзников усиленно настаивала на немедленном вступле-

¹ Согласно статьи 19 Статута Лиги Наций «Собрание может от времени до времени приглашать членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир».

нии Германии в Женевскую организацию. «Союзники остаются в убеждении, — гласила нота, — что положение члена Лиги Наций предоставило бы Германии по вступлении ее в Лигу, самое верное средство отстаивать свои desiderata. Вступление Германии в Лигу Наций есть единственное прочное основание взаимной гарантии и европейского соглашения». Настаивая на том, чтобы договор об арбитраже вступил в силу не только в вопросах юридического, но и политического порядка, нота в своем определении понятия нападающей стороны свидетельствовала о поражении, нанесенном Англией французской дипломатии: «Нападающий обнаружит сам себя уже одним тем фактом, что вместо обращения к мирному решению он прибегнет к оружию или нарушит либо границу, либо, в отношении Рейна, демилитаризованную зону».

Зафиксированное, таким образом, притупление реальной гарантии, предоставляемой Францией ее восточным союзникам, должно было сделать германскую политику еще более податливой, но более решительной она стала не столько под влиянием английской дипломатии, сколько перед фактом прямой интервенции англо-американского финансового капитала, снова выступившего открыто и самостоятельно, в условиях тяжелого состояния германской промышленности, которое выразилось вскоре, например, в крахе таких гигантских предприятий, каким являлся концерн Стинеса. Германское народное хозяйство крайне нуждалось в кредитах и оборотных средствах. Даже еще после лондонской конференции Германии удавалось добиваться в Англии и в Америке лишь краткосрочных займов, да и то на весьма невыгодных для себя условиях: через посредников и по высоким процентам. Лишь с самого начала 1925 года импорт капиталов в Германию несколько увеличился, в виде, главным образом, муниципальных займов. С этого же времени началось предоставление долгосрочных займов, однако, в весьма осторожной форме и в явно недостаточном количестве. В таких условиях понятна вся эффективность заявлений, сделанных явившимся в Берлин директором американского Federal Reserve Bank Стронгом и директором Bank of England Монтегю Норманом директору германского Имперского Банка Шахту о том, что в случае неподписания гарантийного пакта Германии будет отказано в кредитах. Создав планом Дауэса экономические предпосылки своей экспансии в Европу, англо-американский капитал настойчиво добивался теперь политических гарантий. Недвусмысленно выраженная и весьма реальная угроза возымела свое действие: германское правительство сначала согласилось послать своих представителей на состоявшуюся в Лондоне конференцию юристов-

экспертов, а затем и принять участие в созываемой в Локарно конференции ответственных руководителей иностранной политики заинтересованных стран. В число этих последних входила и Италия, которая, соглашаясь быть участником рейнского гарантийного пакта, вместе с тем пыталась втянуть Германию в сделку в форме интернациональной гарантии своей Бреннерской границы, являющейся важнейшим стратегическим пунктом. Англия не была склонна распространять гарантию на другие границы, кроме Рейнских, Франция требовала в виде компенсации предоставления гарантии восточных германских границ, и эти разногласия дали германской политике возможность навязываемой сделки избежать, и при том ссылкой формального характера: с Бреннером граничит не Германия, а Австрия. Вместе с извещением о своем согласии участвовать в Лондонской конференции германское правительство по мотивам внутренне-политического характера (давление националистических кругов) снова декларировало свой отказ признать тезис о моральной виновности германского народа в возникновении мировой войны—этот идеологический стержень всей Версальской конструкции,—и требовало эвакуации северной Рейнской зоны и окончательного разрешения вопроса относительно разоружения Германии. В своих ответах державы Антанты отказывались признать правомерность выдвинутых германским правительством вопросов, как уже получивших разрешение в Версальском трактате. Если содержание этих ответов было одинаково, то по тону, быть может, наиболее резким был ответ Англии, которая ссылкой на Версальский трактат компенсировала французскую политику за ее поражение, а вместе с тем удерживала за собой дальнейший контроль франко-германских отношений. Как бы то ни было, вся эта дипломатическая переписка между Антантой и Германией имела хотя и симптоматический, но в значительной мере формальный характер,—и не могла изменить основное направление работ Локарнской конференции.

Все своеобразие места, занимаемого Германией в системе международно-политических отношений, выявилось в постановке и соотношении тех основных проблем, вокруг которых протекала борьба и которые совершенно ясно были очерчены в заключительном акте Локарнской конференции. Этими проблемами являлись отношения между договорами, а с другой стороны,—действие статьи 16-й статута Лиги Наций. Если юридически возможно было установить отделение одной из этих проблем от другой,—то реально-политически эти проблемы имели между собой неразрывную связь, и это отразилось на позиции германской политики, которая перед лицом держав Антанты должна

была учитывать дальнейшее направление своих отношений с Советским Союзом. Французская политика в своем стремлении всячески противодействовать тому удару, который наносился ее союзным связям с Польшей и Чехо-Словакией, настаивала на приглашении представителей последних, — с тем, чтобы в начинающихся переговорах закрепить связь между рейнским гарантийным пактом и восточными арбитражными договорами. Но эти французские требования встретили резкий отпор со стороны германских представителей, которые пытались подорвать эту связь, — и французским попыткам окружить себя на конференции союзниками противопоставили требование пригласить в Локарно представителей Советского Союза. Перед лицом этой угрозы Англия сочла необходимым вмешаться более активно, дабы компромиссным решением смягчить франко-германские противоречия: Франция сделала формальную уступку, вопрос об арбитражных договорах Германии с Польшей и Чехо-Словакией был окончательно разрешен (вслед за вопросом о рейнском гарантийном пакте, восточные союзники Франции присутствовали на конференции сначала лишь в качестве наблюдателей, а Советский Союз приглашен в Локарно не был. Далее в течение переговоров выяснилось, что Англия категорически поддерживает германский тезис, отрицающий непосредственную связь между рейнским гарантийным пактом и восточными арбитражными договорами, и право Франции вступать без правомерной санкции Лиги Наций в демилитаризованную рейнскую зону в целях предоставления реальной гарантии восточным арбитражным договорам).

Если это благоприятное для Германии разрешение вопроса было достигнуто благодаря изоляции французских попыток, то при разрешении другого вопроса, определяющего общую ориентацию германской политики в смысле выбора между Востоком и Западом, Германия, не добившись приглашения на конференцию Советского Союза, оказалась изолированной перед сомкнутым рядом англо-французской политики. Вся фаланга выдвинутых в свое время аргументов в пользу необходимости сделать специально для Германии (а также для Австрии, Болгарии и Венгрии) оговорку относительно ст. 16 статута Лиги Наций, — была со всей настойчивостью развернута и тут, однако, безрезультатно: перед англо-французским напором Германии пришлось уступить, удовлетворившись словесным обещанием со стороны Антанты эвакуировать Кельнскую зону, уменьшить срок общей оккупации германской территории и др., в том числе, если верить промелькнувшим в печати сведениям, поставить вопрос о предоставлении Германии колониального мандата. Трудно сказать, каково было со-

держание закулисных переговоров, в частности англо-германских, происходивших во время идиллических прогулок по озеру Маджоре,—но во всяком случае имелось в виду, что полученные Германией обещания относительно укреплений ее позиций на Западе отразятся на развитии ее отношений с Востоком.

16 октября 1925 года акты Локарнской конференции были парафированы¹, и это знаменовало высшее достижение послевоенной политики Великобритании в Европе. Гарантийный пакт, заключенный между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, констатируя отмену договоров о нейтрализации Бельгии и предоставляя подписавшим его державам дополнительные гарантии в рамках статута Лиги Наций,—устанавливал индивидуальную и коллективную гарантию территориального *status quo* франко-германской и германско-бельгийской границы, а также демилитаризованной рейнской зоны. Германия и Франция, Германия и Бельгия взаимно обязывались не предпринимать нападения друг против друга, не вступать в состояние войны. Исключения предусматривались только на случай невызванного нападения, «когда, вследствие сосредоточения вооруженных сил в демилитаризованной зоне, необходимы немедленные действия»,—или в силу статьи 16-й статута Лиги Наций, когда требуется выступление против нападающей стороны, или, наконец, в силу решения Совета или собрания Лиги Наций. Далее, согласно договору, все спорные вопросы, возникшие между Германией и Францией, и между Германией и Бельгией, поскольку их не удалось разрешить обычным дипломатическим путем, в обязательном порядке должны передаваться арбитражу, форма которого установлена одновременно принятыми специальными конвенциями. Устанавливаемые в договоре условия коллективной гарантии и вся связанная с этим процедура весьма рельефно выявляют общую расстановку сил и тот основной политический принцип, в направлении к которому выстраивались переплетенные и противоречивые интересы участников пакта. Каждая из договаривающихся сторон обязывалась немедленно сообщить Совету Лиги Наций о факте совершающегося или совершившегося нападения, нарушения границы или демилитаризованной зоны. Совет Лиги, установив этот факт, немедленно же должен сообщить о своем решении всем заинтересованным сторонам, которые и предоставляют свою помощь пострадавшей стране. Но в случае явного нарушения обязательства о ненападении в установленном смысле, «или, как гласит далее гарантий-

¹ Локарно. Международная конференция. Перевод с официального текста под ред. Т. К. Лашкевича и Б. Штейна. Москва. 1925.

ный пакт, явного нарушения статей 42 и 43 Версальского договора со стороны одной из высоких договаривающихся сторон, каждая из других договаривающихся держав отныне обязуется немедленно предоставить свою помощь той стороне, против которой направлено такое несоблюдение или нарушение, как только названная держава сможет учесть, что это нарушение составляет невызванный акт нападения и что, вследствие либо перехода границы, либо открытия военных действий или сосредоточения вооруженных сил в демилитаризованной зоне, необходимы немедленные действия». За советом Лиги Наций, в таких условиях, остается лишь последующее, правда, обязательное решение, в выработке которого стороны, прибегающие к враждебным действиям, принимать участия не могут. Этим центральным пунктом гарантийного пакта Англия, пользуясь в этом поддержкой Италии,—все более и более входящей в орбиту ее политического влияния,—страховала себе и непосредственно и через Лигу Наций необычайно выгодную позицию не только гаранта, но и фактически самостоятельного арбитра франко-германских и бельго-германских отношений,—тем более, что, согласно договору, отказ от арбитража или выполнения его решений одной из сторон с последующим нарушением обязательств о безопасности, также вызывает применение санкций. На случай, если такой отказ не повлечет за собой нападения или нарушения демилитаризованной зоны,—договор предусматривал обращение другой заинтересованной стороны в Совет Лиги Наций, с соответствующими решениями которого все подписавшие пакт должны сообразоваться. Гарантийный договор особо отмечал, что заключающиеся в нем постановления не наносят ущерба правам и обязанностям, вытекающим из Версальского договора и из последующих соглашений, в том числе и из постановления Лондонской конференции,—а также не ограничивает статут Лиги Наций.

Далее, особо было оговорено, что обязанности по гарантийному договору не распространяются на английские доминионы и Индию,—без специального согласия на это их правительств. Наконец, последним пунктом была установлена неразрывная связь между теми политическими элементами, которые в своей совокупности и означали поворот Германии на Запад: начало действия гарантийного пакта обозначалось моментом вступления Германии в Лигу Наций. Специальные, одновременно заключенные конвенции устанавливали порядок третейского разбирательства спорных вопросов между Германией и Бельгией,—Германией и Францией. Конвенции эти поставлены в неразрывную связь с гарантийным пактом. Аналогичные конвенции были заключены между Германией и Польшей, и Германией и Чехо-Слова-

kiej; на них действие гарантийного пакта не распространилось, но устанавливалось (ст. 21), что «настоящий договор, согласный со статутом Лиги Наций, не будет наносить никакого ущерба правам и обязанностям высоких договаривающихся сторон, как членов Лиги Наций, и не будет толковаться, как суживающий миссию этой последней по принятию мер, пригодных для того, чтобы действительным образом охранять всеобщий мир». Таким образом, англо-германская точка зрения, установленная в предварительных переговорах и на Лондонской конференции юристов-экспертов, восторжествовала: восточные границы Германии не получали гарантии ни в общей, ни в специальной форме, и гарантийный пакт ставил преграду активному вмешательству Франции, и ее помощи Польше и Чехо-Словакии. В последнем вопросе роль Англии и непосредственно, и через Лигу Наций становилась решающей и как бы контролирующей отношения между Францией и ее восточными союзниками,—без того, чтобы компенсировать это со своей стороны какими-либо обязанностями.

Для того, чтобы в некоторой мере восстановить ослабленные в Локарно свои союзные отношения с Польшей и Чехо-Словакией,—Франция, не добившись права гаранта германских восточных границ, заключила специальные соглашения со своими восточными союзниками, в которых пыталась установить возможность, пользуясь статутом Лиги Наций, предоставления обоюдной военной помощи. Но формально эти соглашения не вошли в систему локарнских актов (в заключительном акте они отмечены, как одностороннее сообщение, сделанное министром иностранных дел Франции), — а их реально-политические действия остались под контролем Великобритании, проводимым или непосредственно или через Лигу Наций. Реальная гарантия восточных германских границ устранялась,—и открывающаяся тут перспектива ревизии являлась тем, что вместе с полученными обещаниями по ряду других вопросов (эвакуация Кельнской зоны, изменение режима в оккупированных областях и т. д.)—представлялось для германской политики наиболее привлекательным. Германская локарнистская печать в свое время особо подчеркивала, что о добровольном признании германских восточных границ речи быть не может, и даже старалась поставить вопрос в такую плоскость, что рейнский гарантийный пакт вовсе не предусматривает возможности изменений в порядке добровольного соглашения западных границ, и, например, возвращения Германии областей Эйпен-Мальмеди¹. Локарнские

¹ Cp. Der Sinn on Locarno Urkunden und Erläuterungen. Berlin. 1925. S. S. 26,49.

акты заключались не против Германии, а вместе с Германией,—и это одно знаменовало собой, происходившее на базисе капиталистической стабилизации, усиление ее (Германии) международно-политической роли. Это усиление допущено было Великобританией для того, чтобы установить в Европе противовес самостоятельным французским попыткам достигнуть гегемонии, и чтобы одновременно не только изолировать Советский Союз, но и приобрести в Центральной Европе базу для политического наступления на него. Это последнее отразилось и в специальном документе, парафированном в Локарно,—в письме, адресованном германской делегации о толковании статьи 16-й статута Лиги Наций. «Согласно этому толкованию,—гласит письмо,—обязанности вытекающие из названной статьи для членов Лиги, должны пониматься в том смысле, что каждое из государств членов Лиги обязано лояльно и действительно сотрудничать, чтобы уважать статут и чтобы противодействовать всякому акту нападения в той мере, какая совместима с его военным состоянием и учитывает его географическое положение». Формула эта слишком обща и неопределенна, чтобы Германия ею была действительно ограждена от возможности и обязанности выступлений против Советского Союза. Некоторая часть немецкой прессы утверждала, что она достаточна, однако, ближайшее будущее показало обратное, и самой германской политике пришлось предпринять активные шаги по иным путям, чтобы несколько притупить то анти-советское острие, которое выступало из факта Локарнских соглашений, и которое ставило под вопрос дальнейшее развитие экономических и политических отношений с Советским Союзом. Путь этот был извилист, и его направление в значительной мере определялось той перегруппировкой сил на арене европейской политики, которая произошла в результате Локарно. В частности, Германии пришлось считаться и с активностью советской дипломатии.

Весьма характерно, что незадолго до Локарнской конференции, но тогда, когда основные контуры Локарнской конструкции были уже ясны, в Париже появились слухи о заключении во время заграничной поездки Г. В. Чичерина советско-германского военного соглашения, а одновременно в Берлине—слухи о военном соглашении между Советским Союзом и Польшей, направленном против Германии и гарантирующем западную польскую границу.¹ В общем контексте сложившихся тогда отношений эти слухи являлись тем кривым зеркалом, в котором нашли свое отражение опасения германской политики и которое направлялось

¹ «Japan Times», 5 октября 1925 г.

французской политикой в сторону Лондона: роли переменились, и теперь Париж стал аргументировать возможностью советско-германского союза. Действительно, Локарно усилило тенденции французской и польской политики в сторону сближения с Советским Союзом. Но с другой стороны, для Германии большую роль сыграл тот сложный клубок противоречий, в котором ей приходилось действовать при своем повороте, как самостоятельной политической силы, на Запад. В этом повороте английская политика накануне Локарно была вполне уверена: — «много разговоров — мало результатов» — под таким заголовком официоз Форейн-Оффиса сообщал о пребывании Чичерина в Берлине.¹ Германская политика и германская печать всячески пытались доказать, что путь в Локарно ни в каком смысле не является отходом от Раппало. И вступив на этот путь, Германия предварительно урегулировала характер своих экономических взаимоотношений с Советским Союзом. 12 октября, накануне парафирования Локарнских актов, в Москве был подписан советско-германский торговый договор. В переговорах об этом договоре, протекавших очень долго, — фактически, около двух лет, — неоднократно вставали сильные затруднения. Раппальским договором советско-германские отношения были урегулированы, взаимные претензии разрешены, и одним из главных затруднений, задерживавшим ход советско-германских переговоров о торговом договоре, — являлась попытка Германии, так или иначе, подорвать советскую систему монополии внешней торговли, — и тем самым установить прецедент. Попытка эта не удалась, и в конце концов Германия, переживающая относительно хозяйственный подъем, упирающаяся в проблему рынков и столь нуждающаяся в развитии своих экономических связей с Советским Союзом, вынуждена была считаться с фактами и исходить из них. Заключенный договор представляет собою ряд обширных соглашений по вопросам поселения на территории другой страны и общеправовой защиты, экономических взаимоотношений, железнодорожной связи, мореплавания, налогов, о третейских судах и об охране промышленной собственности. Сюда же входило и консульское соглашение. Таким образом, договор охватывал различные стороны экономических и правовых взаимоотношений, исходя из фактов различия хозяйственных структур обеих сторон. В договоре отсутствует устойчивый таможенный тариф, — но его основанием является принцип наибольшего благоприятствования (на характер взаимоотношений Советского Союза со странами Востока этот принцип для Германии не распространяется). Следует также отметить, что Гер-

¹ «Daily Telegraph», 5 октября 1925 г.

мания согласилась признать полную экстерриториальность советского торгового представительства. Одновременно с торговым договором Советским Союзом и крупнейшими германскими банками было подписано соглашение относительно краткосрочного кредита в 75 миллионов марок для закупки в Германии товаров. Проблема финансирования германского экспорта в Советский Союз стала весьма актуальной, и благоприятное ее разрешение могло бы стимулировать развитие экономических связей,—получивших в подписанном договоре широкий правовой базис. В соответствующих переговорах с американскими банками выяснилась возможность такого финансирования, но все это задерживалось непримиримой позицией правительства С. Штатов по отношению к Советскому Союзу. С другой стороны, английские банки продолжали свою политику отказа в принятии акцептов советских торговых представительств,—и делали все возможное, чтобы не допустить финансирования германского экспорта в Советский Союз. В этом отношении было, вероятно, использовано и состоявшееся в Нью-Йорке в октябре 1926 года совещание директоров английского, американского федерального и германского имперского банков.

Германская печать в свое время отметила, что советско-германский торговый договор в условиях своего возникновения получил не только экономическое, но и политическое значение. Действительно, германская политика явилась в Локарно не с пустыми руками, и министру иностранных дел Штресеману пришлось тотчас же по приезде на конференцию западных держав доказывать, что договор с Советским Союзом, этот «договор возможностей», по выражению одной газеты,¹ — не является «ручной гранатой против Локарнской конференции»². Однако, в дальнейшем германской политике к такой гранате пришлось прибегнуть, и это было последствием не только активности советской политики, фактами сумевшей заставить Германию оценить связь с Востоком, поставленную в Локарно под удар, но и последствием тех противоречий, в которых происходило включение Германии в концерт западно-европейских держав,—и той борьбы, которая, развернувшись на основе Локарно, протекала в значительной мере за счет Германии.

27 ноября 1925 г. германский рейхстаг большинством голосов принял акт соглашения, парафированного в Локарно. 1 декабря Локарнские соглашения были окончательно подписаны в Лондоне. «Дух Локарно» получил, таким образом, возможность для своего оформления и материализации.

¹ «Industrie—und Handelszeitung». 25 октября 1925 г.

² «Vossische Zeitung». 6 октября 1925 г.

зации в конкретных актах международной политики. В соответствии с переговорами в Локарно эта материализация должна была тотчас же начаться в одном из наиболее острых для Германии вопросов,—в вопросе об оккупации германской территории, в частности, об эвакуации Кельнской зоны. Для германского правительства значение этого вопроса обуславливалось внутренне-политическими соображениями,—необходимостью направления общественного мнения в соответствующее русло внешней политики. Англией же это рассматривалось как скидка, которую заранее предполагалось сделать, в целях включения Германии в систему западно-европейских держав. Трудно сказать, какие аргументы развивала Франция, чтобы удержать Англию от уступок в этом вопросе. Эвакуация северной рейнской области, первой, так называемой, Кельнской зоны,—провозглашалась германской локарнистской печатью, как первая благоприятная для Германии реализация политики Локарно. Формально эта реализация должна была произойти в решениях Совета послов, на основании рассмотрения вопроса об исполнении Германией предъявляемых ей требований о разоружении. В плоскость вопроса об эвакуации Кельнской зоны был брошен акцент послелокарнских отношений, но т. к. плоскость, лежащая между Берлином, Парижем и Лондоном, слишком велика, то и акцент прозвучал весьма разноголосно. Франция настаивала на необходимость рассмотрения вопроса с точки зрения выполнения Германией требований о разоружении, между тем, как в германской печати стала разрабатываться целая программа встречных требований, в которой вопрос об эвакуации Кельнской зоны стоял лишь первым пунктом, за которым следовало: изменение режима в Саарской области—установление автономии, уменьшение оккупационной армии до численности довоенных немецких гарнизонов, изменение режима на Рейне, и, в частности, уменьшение прав Верховной Межсоюзной Комиссии, уничтожение военных судов, отказ Франции от пропаганды на Рейне и т. д. Версальская комиссия маршала Фоша сумела настоять перед конференцией послов, и Германии был пред'явлен ряд пунктов¹ с требованием их выполнения. Но вместе с тем, из Лондона неофициально дали понять, что добровольным принятием этих пунктов Германия купит очищение Кельнской зоны к 1 декабря. Ответ германского правительства был предопределен. Единственное,

¹ Пункты, подлежащие урегулированию с точки зрения Версальской комиссии, сводились к следующему: 1) ограничение действительных полномочий данных генералу фон-Секту, 2) прекращение военного обучения, проводимого спортивными организациями бывших офицеров, 3) демилитаризация полиции, численный состав которой не должен превышать 150.000 человек, и некоторые другие, касающиеся более мелких вопросов.

что оказалось в нем неожиданным,—было многословие. Германия шла навстречу основным требованиям Совета послов. Впрочем, Версальская военно-контрольная комиссия осталась все же недовольной германским ответом. Однако, Совет послов, опасаясь отставки германского кабинета, под влиянием Англии поспешил принять германский ответ. Это было ударом по Версальской военно-контрольной комиссии,—опорному пункту Франции и орудию ее давления на Германию. 1-го декабря эвакуация Кельнской зоны началась, и подступы к Руру были, таким образом, покинуты. История этой эвакуации показывает, что разрешение подобных проблем стало определяться не французским толкованием буквы Версальского трактата, а силами совсем иного порядка. Англо-американский капитал планом Дауэса и позицией в вопросе о французских долгах дал общее направление. В области же непосредственной политической и дипломатической практики Англия повела руководящую роль. Голубое небо Локарно отразилось в малой капле кельнской проблемы, а также в вопросе о режиме двух зон, оставшихся оккупированными. Выставленное германской политикой требование снизить цифру оккупационной армии не нашло своего разрешения в Локарно, благодаря противодействию Франции. Впоследствии, под давлением Англии, Франция вынуждена была идти на компромисс, обещав неудовлетворенной Германии снова поставить этот вопрос после вступления последней в Лигу Наций.

Но по мере того, как приближался момент вступления Германии в женевскую организацию, начали действовать те скрытые силы старой версальской традиции, которые пытались подорвать английскую политику Локарно. Начало 1926 года ознаменовалось резким итало-германским конфликтом в связи с предпринятой фашистами итальянизацией населенного немцами Южного Тироля. В Германии появились призывы бойкотировать Италию, нарушившую свое обещание уважать культуру национальных меньшинств, а из Рима в ответ на это последовали угрозы, не требующие особых комментариев: «Италия не только никогда не уберет своего знамени с Бреннера, но, если это потребует, она скорее понесет свое знамя за Бреннер». Французская пресса следившая за этим конфликтом с большим вниманием, нашла этот момент удобным, чтобы напомнить об общности франко-итальянских интересов.—Были основания предполагать, что Италия в этом конфликте деятельно поддерживается французской дипломатией, пытавшейся затруднить Германии вступление в Лигу Наций, дабы, отодвинув тем самым вступление в силу Локарнских актов, предпринять шаги к восстановлению более благоприятных для себя отношений.

Но итало-германский конфликт примечателен еще и в том отношении, что он свидетельствовал о новых политических тенденциях усиливающейся Германии.

Полная реализация плодов Локарно представлялась, как известно, последствием вступления Германии в Лигу Наций в качестве не только полноправной, но и великой державы. Но еще не войдя туда, Германия стала готовить и репетировать свою новую, ожидающую ее роль. В частности, эта репетиция происходила в отношении к немцам, живущим вне Германии. На языке официальных заявлений, речь идет о единстве немецкой национальной культуры. Так, например, приглашенный в Берлин бывший австрийский канцлер—доктор Зейтель говорил об этом культурно-национальном единстве, об ущербности немецкого понимания государственного единства, и его дебюты вызвали во Франции и Италии не столько интерес, сколько опасение. За всей этой идеологической конструкцией скрывалось нечто довольно реальное и определенное: так часто и порою откровенно разрабатывающиеся планы о присоединении Австрии к Германии. Временно утихшая традиция оживилась снова, особенно после Локарно, а за лозунгом единства скрывалось ничто иное, как организация проводников экономического и политического влияния Германии. Разорванные войной и Версальским трактатом связи начали довольно быстро налаживаться вновь. В Германии снова поднялся, например, большой интерес к Южной Америке. Усилилась пропаганда стран Южной и Центральной Америки, как благодарной почвы для германской промышленности. Этому сопутствуют, конечно, планы культурной пропаганды и помощи немцам, живущим в Южной Америке, в Южной Африке, Китае и т. п.

Но даже такой специфически-европейский вопрос, каким является итало-германский конфликт, вызванный мероприятиями фашистского правительства по итальянизации Южного Тироля,—не избежал той своеобразной окраски, которая привносится новым фазисом истории колониальной политики. В связи с южно-тирольским конфликтом официоз Форейн-Оффиса высказал предположение, что за всей этой, протекающей между Берлином и Римом, перепалкой лежит нечто более глубокое, а именно—выставленное Италией требование на получение колониальных мандатов в первую очередь, т.-е. вопреки Германии. Характерно, что печать германских националистов увидела в этом не отвлеченное предположение английского официоза, но нечто более реальное, симптоматично угрожающее в виду протекавших как раз тогда англо-итальянских переговоров,—и потому вовсе не стала скрывать своего недовольства и беспокойства. Колониальный вопрос снова стал в порядок дня гер-

манских интересов. Германия начала переживать рецидив колониального движения, который отливается в своеобразную форму — «назад к Бисмарку». А это, конечно, не только результат переоценки ценностей, но и любопытная примета времени. На ряду с *Kriegsschuldfrage* (вопросом о виновнике войны), тоном которого фактически окрашена вся послеверсальская немецкая литература, как историко-исследовательская, так и публицистическая, посвященная проблемам международной политики, — Бисмарку, и в частности, его колониальной политике посвящена в Германии большая литература. Создалась даже особая, так называемая, «бисмарковская литература», и в свете современного колониального движения делается понятной та дискуссия, которая протекает в германской научной литературе по вопросу о времени первоначального вступления германской политики на путь колониальных интересов. За этой внешне-академической дискуссией по существу скрывается нечто более реальное: идеализацией Бисмарка и интересом к Бисмарку, — столь понятными после краха Вильгельмовской Германии, — вуальруется определение условий и момента необходимости для Германии вступления на путь колониальной политики. Тут послеверсальская действительность произвольно проецируется назад, а материал, выдвигаемый в качестве оснований для аргументаций, выводов и оценок, хотя и оказывается довольно сомнительного происхождения, но является составной частью построения, перекинутого через голову германской политики нового курса. Но и обратно, послеверсальская действительность через голову всех протекших десятилетий оживила первичные и примитивные формы колониального движения бисмарковской эпохи. Об'ективные условия, в которых возродилась старая традиция форм ко-половина 20-х годов текущего столетия весьма мало напоминает вторую половину 70-х годов истекшего столетия; Франкфуртский мир и Версаль, или германские планы превентивной войны и оккупация Рура — это несоизмеримые по своим последствиям и об'ективному значению факты.

«Германия отказывается в пользу главных союзных и об'единившихся держав от всех своих прав и правооснований на свои заморские владения», — гласит статья 119-ая Версальского трактата. Этим самым Германия потеряла 2.953.000 кв. километров колониальных владений — все, что она приобрела в результате своей колониальной политики. Но уже очень скоро Германия снова стала, хотя сначала очень робко и отдельными намеками, говорить о необходимости вернуть ей колонии и при том в таком контексте, который является по существу зачатком логической и психологической предпосылки плана Дауэса. Логическая нить

была примерно такова: чтобы обеспечить регулярное поступление и самую возможность германских платежей, — нужно предоставить Германии некоторый конкретный резервуар определенных экономических возможностей. Такая концепция многозначительных намеков необходимости для Германии получить колонии развивалась перед союзниками еще весной 1921 года, — и это означало ничто иное, как желание разрешить репарационную проблему, главным образом, на спине колониальных народов. Вся эта намечающаяся программа разрешения репарационной проблемы, не успев еще оформиться, быстро рухнула под мощным напором реализации другой, внешне более действенной, — но безнадежной, программы Раймонда Пуанкаре: оккупации Рура. Крах политики Пуанкаре, усиление англо-французского антагонизма и вмешательство Америки в европейские дела принесли новую программу — плана Дауэса, — и в результате германская установка связи между разрешением репарационной проблемы и вопросом о возвращении Германии колоний постепенно стала отмирать. На горизонте появилось Локарно, — и уже в предварительных переговорах о принципиальном установлении равноправия сторон — речь зашла о расширении предполагающегося равноправия и на вопрос о колониальном мандате. В конце 1924 года этот вопрос был официально выделен в самостоятельное и оформленное политическое целое. «Ст. 22-ая статута (Лиги Наций. А. Е.), — говорит германский меморандум правительства, представленным в Совете Лиги Наций, — предусматривает, что опека над народами, еще неспособными управляться самостоятельно будет доверена передовым нациям, которые, в силу своих ресурсов или своей опытности, лучше всего могут принять на себя эту ответственность. Устраненная после своего поражения от всякой колониальной деятельности, Германия ожидает, что Лига Наций призовет ее в подходящее время к активному участию в системе мандатов».

В опубликованных официальных ответных документах, касающихся вопроса о заключении гарантийного пакта и о вступлении Германии в Лигу Наций, — вопрос о предоставлении Германии колониального мандата как-то просеивается и не имеет за собой никаких более или менее определенных опорных пунктов. Но нужно полагать, что в частных переговорах вопрос о предоставлении Германии мандатов, так или иначе, ставился. Во всяком случае, в прессу проникло сообщение о том, что в Локарно проблема колоний была затронута, а один немецкий журнал — орган кругов заинтересованных в реставрации колониальной политики Германии, дает такую формулировку: «Хотя при переговорах в Локарно вопроса о предоставлении Германии мандата на колонию только коснулись, однако, на него, хотя и гипотетически,

дан был положительный ответ. Превратится ли этот утвердительный ответ в представление мандата зависит не только от согласия участвующих держав, но также и от решения Германии»¹. Разрешение колониальной проблемы остается, конечно, на усмотрении держав Антанты: весь вопрос в силе давления внешних обстоятельств и в размере соответствующих компенсаций,—не случайно, в этом смысле, происходившие в Германии многочисленные собрания представителей политических партий (главным образом, германской национальной партии, народной партии, хозяйственной партии и центра) совместно с соответствующими организациями, требуя возвращения Германии колоний, обычно особо оговаривали, что возвращение это не должно происходить ценой особых жертв Германии. Деятельное обсуждение в прессе вопроса о возвращении Германии колоний представлением правительству различных докладных записок и резолюций, касающихся этого вопроса, оживленная деятельность различных обществ и организаций—все эти черты старого колониального движения возродились вновь, однако, в эту внешнюю форму влилось новое содержание — определенная дань времени. Вместо ученого путешественника-исследователя половины прошлого столетия типа Рольфа и Нахтигала,—вместо исследователя-практика, ищущего свободных земель для германской колонизации, типа Карла Петерса,—появился наблюдатель-политик, обычно лицо близкое к германской довоенной колониальной деятельности,—обезжающий знакомую ему область и отмечающий всякие изменения, производящиеся в бывших германских колониях новыми мандатариями. Таким корреспонденциям германская пресса предоставляет большое место. Внимание, чтобы не сказать — забота, к бывшим колониям весьма напряжено, как будто статьи 119 Версальского трактата и вовсе не существует. Велико также внимание к проживающим в бывших германских колониях и в странах Центральной и Южной Америки немцам, этим экономическим пионерам, потенциальным проводникам экономических и политических интересов Германии. Любопытно, что несмотря на весь исторический опыт кое-где в германской печати появляются, в качестве аргументов необходимости для Германии колоний, утверждения и предположения буквально повторяющие те, которые высказывались на заре германского колониального движения: колонии трактуются, например, как резервуар, впитывающий избыток германского населения. Такая аргументация исторически бита, но просачивается она даже в серьезные журналы. Но обычно, выдвигающаяся аргумен-

¹ V. Rechenberg. Der Erwerb deutschen Kolonialbesitzes in seiner Bedeutung für Deutschland und die Weltwirtschaft. «Weltwirtschaft». 1925 № 12.

тация носит более сложный характер и, конечно, неустойчивый. Ее модификация носит черты зависимости своего происхождения и черты двойственности в своем направлении. Если в том отрезке послеверсальской действительности, который прошел под знаком выработки плана Дауэса,—вопрос о колониях в его германской постановке и аргументации был оторван от решения репарационной проблемы, то вскоре, когда осуществление плана Дауэса началось,—эта связка между двумя проблемами стала намечаться вновь. Одна, обращенная во вне, сторона цепи аргументов апологетов германской колониальной политики приблизительно такова: выполнение плана Дауэса может идти только путем усиления германского экспорта, который, однако, весьма стеснен целым рядом условий: таможенными рогаками, индустриализацией многих стран и т. д.; приходится, следовательно, делать ставку на внутренний рынок, что возможно только при его расширении путем включения колоний. Но эта аргументация, рассчитанная на противника, притягивается лишь по необходимости. Она не носит самодовлеющего характера, а является скорее лишь внешним придатком к другой системе аргументов, вряд ли более убедительных, но зато более симптоматичных для Германии, взявшей курс на формальное утверждение в правах великой державы.

«Да,—пишет автор статьи «Нуждается ли Германия в колониях?»—восстановление обладания колониями есть предпосылка успешной экономической деятельности и дальнейшего развития немецкого народа. Если потребление колониальных продуктов, которое ставит нас в зависимость от чужих колониальных народов, не играет решающей роли,—то играют тем большую роль разнообразные виды сырья, безусловно необходимого для нашей промышленности, наряду с некоторыми заграничными продуктами питания, восполняющими недостаток их у населения. Сырье должно быть ввезено, и этим самым торговый баланс делается все пассивнее, если не удастся значительно увеличить наш вывоз. Само собой разумеется, что не приходится думать о том, чтобы можно было немецкими колониями покрыть всю потребность в сырье, которое германская промышленность должна получать извне. Продукция колоний в таком объеме, чтобы она могла регулировать цены на мировом рынке, по мнению таких видных знатоков колоний, как Дернабург, была бы достаточна»¹. Опыт исторического прошлого не может оправдать радужные надежды германских сторонников колониальной политики, и колониальному оптимизму приходится черпать свои силы в надежде на по-

¹ «Weltpolitik und Weltwirtschaft». München. 1925. Heft 10. Band I. S. 369.

тенциальные возможности дальнейшего развития, предуга-
занного довоенной практикой. Получить обратно Киао-Чиао
в Германии не предполагают, но питаются надеждой на
африканские и тихоокеанские колонии. В Камеруне многие
плантации путем разного рода финансовых операций снова
перешли в руки немецких владельцев,—и в Германии нака-
нуне Локарно говорили, что Штресеман потребует возвра-
щения Германии Камеруна. В Германии с особым интересом
наблюдает за всем происходящим в этих колониях, и с
удовлетворением отмечают, когда по ту сторону Рейна или
Ламанша раздается голос о необходимости вернуть Герма-
нии области Того и Камеруна. Написанная на эту тему
статья Анри де-Шамбон («Les illusions et les realités» в «Revue
Parlementaire») произвела большое впечатление в Германии,
где умудрились не заметить всей пикантности аргументации
автора: «Английская мандатная зона, производящая какао,—
единственная часть Того, имеющая действительную цен-
ность. Они же (т.-е. англичан. *A. E.*) великодушно предо-
ставили нам (т.-е. французам. *A. E.*) остальную часть страны.
Вся импортная и экспортная торговля Того в руках англи-
чан и американцев. Туземцы бегут из французской в ан-
глийскую зону, чтобы скрыться от военных поборо-
в».

Но французская палата имеет относительно деятель-
ности Франции в колониях особое суждение—более ра-
душное, а в части политической,—а это главное,—более
определенное и решительное. В связи со всплывшими слу-
хами о предоставлении Германии, с согласия Англии, коло-
ний Того и Камеруна, 19-го декабря 1925 года состоялось
оживленное заседание палаты, где позиция Франции в этом
вопросе была сформулирована в терминах, не оставляющих
никакого сомнения. Было сказано всеми словами, что если
в Лондоне предполагают предоставить Германии француз-
скую часть бывших германских колоний в Африке,—то эти
расчеты окажутся совсем напрасными, если бы даже Англия
вздумала показать в этом деле пример великодушия.

Все эти заявления, формулировки своих позиций, про-
зрачные экивоки на своего ближайшего партнера в игре, на-
конец, столь многозначительное, сколь и неожиданно-сде-
ланное официозом лондонской дипломатии опровержение
слухов относительно того, «будто бы на конференции в Ло-
карно был также затронут вопрос о колониях, при чем гер-
манцы, якобы, заручились определенными обещаниями
Франции»,—все это взятое вместе, как некоторые отдельные
элементы определенной политической борьбы, происходя-
щей не без соответствующего напора Германии,—свидетель-
ствовали о завязывающейся нити каких-то первичных зон-
дирований, намеков, уловок, торгов и переговоров, происхо-
дящих между главнейшими участниками гарантийного

пакта. Англии выгодно втянуть стабилизирующуюся Германию в орбиту непосредственной колониальной политики, как один из элементов борьбы с Востоком,—и в одном участке Германия, еще ничего реально не получившая, в эти силки попала: под непосредственным давлением самого сильного для нее аргумента — Америки, — германское правительство примкнуло в конце декабря 1925 года к постановлению Вашингтонской конференции, касающемуся Китая. Германское отделение Гоминдана, в своем письме от 6-го февраля 1926 года к членам Рейхстага, призывало отказать в ратификации акта присоединения Германии к постановлениям Вашингтонской конференции, но, как и следовало ожидать,—напрасно.

Локарно сказалось, таким образом, очень быстро, но с приближением намечающегося дня вступления в Лигу Наций, Германия все более и более теряла свою верную карту в игре. Это очень хорошо понимали в Германии, и известное Korag (Koloniales Reichsarbeitergemeinschaft) на своей конференции, состоявшейся в Берлине в начале января 1926 г., предложила правительству продолжать до конца играть на оставшейся карте, т.-е. оттягивать вступление в Лигу Наций до реализации следующих претензий: 1) свобода торговли, судоходства и поселения во всех чужих колониях, при сохранении принципа наибольшего благоприятствования, 2) для всех бывших германских колоний немедленное уничтожение противоречащих международному праву постановлений о ликвидации немецкой собственности, как и уничтожения всех правил, которые налагали на немцев большие и иные ограничения в отношении иммиграции, поселения, ведения торговли и промыслов, чем те, которые были на них возложены в начале мировой войны, 3) мандат на Камерун и Того. Но этого мало. На случай, если бы эти требования, предвещающие вступление Германии в Лигу Наций, остались бы неудовлетворенными, и Германии без предварительной их реализации все же пришлось бы в Лигу вступить,—была выработана подробнейшая инструкция, которой предлагалось строго придерживаться будущим представителям Германии в Лиге. Инструкция эта настолько любопытна, что ее стоит привести целиком: а) система мандатов, как она ни несовершенна и сомнительна, должна быть сохранена, пока Германии нет надежд на получение обратно своих колоний с возможностью ими распоряжаться. Для этого, раньше всего требуется, чтобы Германия обеспечила себе постоянное место в Совете Лиги Наций, ибо только таким образом, станет возможно на основании ст. 26-й Статута Лиги Наций с успехом противодействовать аннексионным стремлениям мандатариев; б) германские представители должны заставить признать принцип, что,

согласно статута Лиги Наций, так называемые, В—мандаты, следовательно, все подчиненные области, за исключением юго-восточной Африки, Новой Гвинеи и Самоа, должны быть рассматриваемы, как особые области управления, а не как часть государственной области. Деление Камеруна и Того, а также восточной Африки таким образом, что каждый из них составляет две области, состоящие под различным управлением, противоречит тексту и смыслу ст. 22-й Статута Лиги Наций; в) отсюда следует, что эти области с технической стороны управления не могут быть соединены с чужими колониями; г) тоже самое относится к финансам, пощинам и т. д., так как каждая подчиненная область и в этих отношениях представляет собой самостоятельное целое; д) коронные земли составляют собственность области, а не мандатариев; это же относится и к железным дорогам, и к другим предприятиям общественного значения. Не мандатарий, как таковой, а только сама область в праве строить железные дороги, гавани и т. д. Лига Наций должна установить обязывающие правила условий, при которых этой области предоставляется мандатарием или третьими лицами заем для подобных целей; е) постановление ст. 22-й Статута Лиги Наций касательно обращения с туземцами должно быть проведено фактически. В частности должен быть прекращен рекрутский набор для чужих колониальных армий. Туземцы Камеруна и Того, до сих пор задержанные в полках французских колониальных армий, должны быть немедленно отпущены на родину. За проведением этих постановлений и, в частности, за надзором над принудительными работами для частных и государственных целей и за необходимыми санитарными мероприятиями должна наблюдать интернациональная комиссия, которой предоставляется право расследования на месте; ж) право туземцев на петиции должно быть гарантировано. Лига Наций должна также проверять и разрешать жалобы туземцев, которые доходят до нее не через посредство правительства мандатария; з) экономическое равноправие Германии во всех колониях, а прежде всего, в бывших германских, должно быть обеспечено.

Итак, планы довольно широкие, тон взят достаточно уверенный. Если сравнить настоящую программу германских требований в области колониальной политики с многозначительными, но мало связанными намеками, раздававшимися в 1921 году, то путь, пройденный Германией, окажется очерченным достаточно выпукло. Но все дело в том, что в этом чертеже обрисовывается путь не только одной Германии,—но и направления всей системы международных отношений, как она складывается в результате действия отдельных составляющих ее элементов. Эти отдельные эле-

менты активным проявлением своим в любой момент могут нарушить и нарушают то, что уже кажется сложившимся,— и от этого соотношение основных сил неизбежно меняется. Вокруг колониальной проблемы продолжает протекать скрытая, но напряженная борьба, и нет ничего удивительного, если она прорывается в другой плоскости политических отношений, столь напряженных послевоенными «мирными» трактатами. И не случайно английский официоз в южно-тирольском конфликте усмотрел проявление более глубокого итало-германского антагонизма, лежащего, быть может, в пластах колониального вопроса: ведь Италия имеет еще формальные права на получение колоний. Эта постановка колониальной проблемы усугубила напряженность политической атмосферы, раздражение и взаимное недоверие. Колониальное движение Германии толкало ее на путь «западной» ориентации, на тот путь, который вел к Лиге Наций. Вступление Германии в женевскую организацию стало делом весьма сложным, и таким, как оказалось, поучительным, что его следует рассмотреть подробнее.

10 февраля Германия подала заявление о своем вступлении в Лигу Наций, и тотчас же появились сведения, которые мешали все карты плавно протекавшей политической игры: Польша, а за ней Испания и Бразилия предполагали требовать для себя постоянного места в Совете Лиги. Удовлетворение требований Польши означало бы снижение того значения, которое придавалось вступлению Германии в Лигу, а дальнейшее расширение Совета неминуемо привело бы к тому, что Совет обратился бы в «митинг», где разноречивых интересов прорвался бы весьма интенсивно.

Именно, во французской прессе начали усиленно разрабатываться предположения необходимости предоставления постоянного места Польше, как активной участнице Локарно, Испании, как представительнице нейтральных государств и, наконец, представительнице «Америки» (намек на Бразилию). Франция с самого начала стала зондировать возможность усиления в Совете Лиги своей креатуры,—и возможно, что это происходило не без поддержки Вашингтона, который начал несколько подозрительно относиться к Локарнскому объединению Европейских держав, к усилению Лиги Наций, и стал ревниво относиться к руководящей роли английской политики. Возможно, что именно в этом вопросе был перекинут мост, дабы связать английскую политику и отбросить назад, развившую большую активность, английскую дипломатию. Первое официальное выступление английской прессы звучало довольно решительно: постоянные места в Совете Лиги должны остаться только за семью великими державами—Англией,

Францией, Италией, Японией, Германией, а в будущем за Америкой и Россией,—дальнейшее же расширение Совета за счет увеличения числа постоянных членов означало бы или монополизацию власти Совета, что противоречит демократическим принципам Лиги, или чрезмерное разбухание Совета, что сделает Лигу ареной борьбы противоречивых интересов, и тем самым парализует ее деятельность. Что касается последнего, то диагноз поставлен был, конечно, и верно и откровенно, но именно то, что пугало Англию, привлекало Францию,—да и не только, конечно, одну Францию. И вместе с нескрываемой радостью по поводу сделанного Германией заявления о принятии ее в Лигу Наций в английской печати начали появляться нотки раздражения и нервозности в связи с перспективой будущих затруднений.

Затеянная Францией дипломатическая игра логикой положения оказалась направленной столь же против Англии, сколько и против Германии. В официозе Форейн-Оффиса¹ появилась большая статья дипломатического корреспондента газеты, который довольно откровенно анализировал положение дел, будущую перспективу и прямо указывал на виновника надвигающихся затруднений. Организация Францией большой дипломатической коалиции «латинско-славянских стран» и ловкие попытки изолировать англо-шведско-германское меньшинство—все это было высказано всеми словами, однако, общий контекст и привлеченная аргументация говорили о невыясненности и нерешительности английской позиции. Указывалось, что окончательное оформление английской позиции еще предстоит британскому кабинету, но слишком тщательно подчеркнутое заявление о том, что Чемберлен в бытность свою в Париже всячески избегал давать какие-либо заверения Бриану и польскому послу, а с другой стороны, слухи о том, что якобы Англия преподала Германии совет взять обратно из Лиги поданное заявление — все это, по меньшей мере, было столь же неопределенно, сколь многозначительно звучало заглавие этой вызвавшей столько шуму статьи: «Предстоящий кризис в Лиге Наций». Как раз в это же время появились сомнения относительно позиции Италии ввиду напряженности итало-германского конфликта. Позиция английского кабинета оставалась неопределенной—ответ Чемберлена на запрос Мак-Дональда был этому ярким свидетельством,—а Германия дала ясно понять, что продолжает настаивать на предоставлении ей постоянного места в Совете Лиги, однако, без одновременного расширения Совета. На 12-ое февраля назначено было заседание Совета Лиги, где формально дол-

¹ «Daily Telegraph», 11 февраля 1926 г.

жен был быть фиксирован день пленума,—и это заседание протекало уже в обстановке бурных дискуссий по поводу новых претензий на постоянное место. Вопрос о вступлении Германии, таким образом, как бы отошел на задний план, уступив место более сложной и принципиальной проблеме—проблеме расширения Совета, —однако на экране борьбы неизменно отражалась тень германской проблемы. Программы ее разрешения были разноречивы, и именно это повергло Лигу Наций жестокой лихорадке, возникшей от одного прикосновения с проблемой утверждения равноправия за побежденной Германией. Больше всего волновал вопрос о предоставлении места Польше. В кругах женевской организации аргументация Польши квалифицировалась, как нечто несовместимое с духом Лиги. Однако, французская печать эту аргументацию вполне оправдывала: поскольку Германия во вступлении в Лигу поднимет вопрос об изменении своих восточных границ,—установление равновесия диктуется-де самой логикой. Для Германии беда назревала в том, что часть французской прессы утверждала, будто позиция Франции разделяется и Англией. Число претендентов на постоянное место в Совете Лиги увеличилось еще Чехо-Словакией и Бельгией, а итальянские выступления по вопросу о немцах Южного Тироля как бы акцентировали всю ситуацию. Положение было признано серьезным (Ernste Lage —пестрело в германской печати). Опубликованная формула решений тайного заседания Совета Лиги Наций 12 февраля была слишком расплывчата, и именно поэтому для Германии неутешительна. В повестке дня предстоящего заседания Совета было, между прочим, обозначено: 1) рассмотрение заявления германского правительства, 2) отношение пленума к возможным предложениям Совета, касающимся применения ст. 4-ой статута Лиги¹. Неопределенность последней формулировки свидетельствовала об одном весьма определенном обстоятельстве: сначала предполагавшиеся английские намерения ограничить дискуссию одним вопросом предоставления Германии постоянного места, оказались сокрушенными,—либеральная английская печать уже тут заговорила о крахе Локарно, а шведская—от консервативной до социал-демократической включительно,—резко протестовала против самой постановки вопроса о реорганизации Совета Лиги,—усматривая в этом политику будущей изоляции Германии. В этой форме проявились опасения за исход политической работы Англии, в сфере влияния которой вращалась Швеция. Между тем, Франция уверенной рукой продолжала свое дело, и тотчас же после упомянутого заседа-

¹ Статья эта трактует об организационной структуре и сфере деятельности Совета Лиги Наций.

ния Совета Лиги, стала известна французская программа: увеличение общего числа членов Совета до 14 путем увеличения числа постоянных членов с 4-х до 7 (Германия, Испания и Польша) или даже до 8 (Бельгия), предоставление трех непостоянных мест Латинской Америке, одного—скандинавским странам, и одного—какому-нибудь из государств Азии. К этому плану,—цинично добавляла французская пресса,—вряд ли присоединится Англия.

Германия встала перед опасностью, войдя в Лигу Наций, оказаться совсем не в том обществе, которого она искала и в котором предполагала развернуть свои претензии великой державы. В Лондоне не видели секрета в том, что Чемберлен оказался связанным в своих действиях с французской дипломатией,— а „Manchester Gardian“ сделал даже сенсацию своим сообщением о том, что еще в Локарно начались тайные переговоры относительно предоставления Польше постоянного места в Совете Лиги, и что признание Польши великой державой являлось частью цены, заплаченной за Локарно. Различные позиции, официально и неофициально занятые отдельными государствами—членами и нечленами Лиги Наций—только усилили разногласия,—но за всем этим шла напряженная политическая борьба, дипломатические интриги, компенсации, инспирации,—конкретное выяснение которых является пока почти неразрешимой проблемой. Во всей этой поднятой сумятице довольно резко прозвучали появившиеся в Париже сведения о том, что если расширение Совета Лиги Наций произойдет до вступления Германии в Лигу и до предоставления ей постоянного места в Совете,—германское правительство, учитывая новое и непредвиденное положение, вынуждено будет воздержаться от дальнейших переговоров и, возможно, даже взять обратно свое заявление о вступлении в Лигу. Испания внезапно объявила о своем решении, в случае непредоставления ей постоянного места в Совете Лиги,—голосовать против Германии. Последняя продолжала настаивать на *status quo* Совета Лиги Наций. Точка зрения французской политики была сформулирована достаточно отчетливо: включение в Совет Лиги—Польши, и возможность дальнейшего расширения Совета. Призрак старых политических методов—старая система политических группировок обрисовалась с ясностью почти эмпирической. Англия, которая вела переговоры с доминионами, продолжала занимать неопределенную позицию.

Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство: в связи с открытием заседания мандатной комиссии Лиги Наций—был поднят вопрос о предоставлении колониальных мандатов Италии,—при чем пресса называла бельгийское Конго и Камерун—объект германских вожде-

ний. «Медовый месяц Локарно прошел», писала одна влиятельная итальянская газета. Твердо германскую позицию защищала только Швеция.

18-го февраля заседала комиссия по иностранным делам Рейхстага. Предложение коммунистов, поддержанное фашистами и националистами, об изъятии из Лиги, поданного Германией заявления, было отклонено. Руководителю германской политики было предложено добиваться в своей работе следующее: 1) Германия должна получить в Совете Лиги Наций постоянное место, 2) одновременно с этим ни одна другая держава не должна быть включена в состав Совета, 3) Германия должна получить место в Совете Лиги уже в предстоящей мартовской сессии, непосредственно при своем вступлении.

Приблизительно одновременно с этим появились новые планы, а именно—предоставление Польше постоянного или временного места во время осенней сессии,—очевидно, отзвуки или зондирование каких-то компромиссных соглашений. Польша, однако, продолжала настаивать на своем, а Франция продолжала открыто ее в этом поддерживать. За Францией последовала и Италия. В ответ на речь Штреземана и на заявление комиссии рейхстага, официозная пресса обеих этих стран подчеркивала, что в Локарно никакие обязательства относительно германской монополии на постоянное место в Совете Лиги даны не были. Больше того, Бразилия заявила, что вопрос о вступлении Германии в Лигу Наций может быть разрешен только после урегулирования вопроса об увеличении постоянных мест в Совете, а Испания развила дальнейшую кампанию в том же направлении.

23-го февраля на заседании германского кабинета Лютер и Штреземан получили полномочия представительства в Женеве, где деятельно разрабатывались планы всяких компромиссов, неизбежно сокрушаемых непримиримой позицией различных держав: Франция продолжала настаивать на расширении Совета Лиги и предоставлении постоянного места Польше, а также Бразилии и Испании, — Англия, несмотря на всю неопределенность своей позиции, склонялась все же, очевидно, к тому, чтобы предоставить место Испании, а временное Польше,—Италия определенно требовала постоянного места Польше,—Испания, Польша и Бразилия, понятно, продолжали настаивать на своем. Чехо-Словакия согласна была поддержать Польшу с тем, чтобы самой получить постоянное место,—и во всяком случае, готова была голосовать за предоставление Польше непостоянного места. Китай требовал постоянного места себе, Уругвай высказывался против Испании и лишь за временное место Бразилии, Япония была против дальнейшего расширения Совета, однако, твердо на своем не настаивала,—и, таким образом, одна

Швеция продолжала оставаться на точке зрения германских претензий, которые Англия хотела бы, но не могла твердо поддержать. Таково было положение к концу февраля. К этому времени английская дипломатия сделала еще один шаг в сторону Франции (речь Чемберлена в Бирмингеме). Германская печать продолжала нервничать и, в зависимости от своей позиции и своего характера,—угрожать или убеждать. Несколько более оптимистичен был официоз Вильгельмштрассе, который, оказавшись припертым к стене, все же вынужден был признать, что Германия в Локарно, действительно, никаких требований относительно дальнейшего расширения Совета не выставляла и никаких заверений по этому поводу не получала.

Есть основания предполагать, что германская дипломатия предполагала пойти на уступки в вопросе о расширении Совета Лиги Наций за счет получения компенсаций в других важных для нее вопросах. Кое-какие пробные шары в этом направлении были, вероятно, пущены в Лондон, однако, они там, очевидно, быстро лопнули. Этим, нужно думать, и следует объяснить слишком поспешные германские опровержения сообщений английской печати относительно согласия Германии на предоставление места Польше взамен очищения рейнских областей. До компенсации такого рода оказалось, однако, весьма далеко: в Берлине получены были сведения о том, что на предстоящем заседании Лиги Наций будет рассматриваться вопрос о назначении председателя и новых членов Саарской Комиссии, а также и других вопросов, с этим связанных,—и при том, до принятия Германией в Лигу. К началу марта тучи на женеvском горизонте еще более сгустились. В английском кабинете происходила борьба, однако Форейн—Оффис явно склонялся в сторону уступки французской позиции. Французская непримиримость была, между тем, еще более подчеркнута: в Париже указывалось, что в случае упорства Германии и Швеции, Франция будет голосовать против Германии.

Откинутой Германии сразу вынужденной перейти к дипломатической обороне своих позиций,—пришлось во всей этой разногласице искать каких-либо опорных пунктов. 2-го марта в Гамбургской ратуше выступил канцлер Лютер, начавший свою большую речь с заявления о том, что Германия никоим образом не собирается строить систему своей политики на выборе между Востоком и Западом, а затем уверявший в германской лояльности и полной доброжелательности в отношении к Лиге Наций. Внешне речь являлась подтверждением прежней точки зрения,—однако, по существу, в ней были довольно ясные предложения компромиссного характера. Вся эта речь окрашена была тоном опасений за судьбы локарнских соглашений. Сделанная Брианом на

следующий день в палате декларация была законченной формулировкой французской непримиримости, английская же дипломатия двусмысленно и потому безнадежно искала компромиссов, на сей раз в расчетах как-нибудь договориться на неофициальном заседании Совета Лиги и в частных переговорах с германской делегацией. Компромиссный план был, очевидно, таков: на первом заседании представление Германии постоянного места в Совете, — с тем, чтобы на втором, уже с участием Германии, предоставить временное место Польше. Все эти планы никого не удовлетворяли, ничего доброго не предвещали, — и именно так и были оценены европейской прессой. Германская правая пресса снова воскресила обычную историческую традицию и заговорила о новом окружении Германии. «Не может быть сомнения в том, что существует заговор, имеющий целью нейтрализовать голос Германии в Совете Лиги Наций», — так характеризовал и Ллойд-Джордж положение дел накануне открытия заседания Лиги.

Некоторое замешательство во всей этой перепитии произошло вследствие неожиданного падения 6-го марта министерства Бриана. В связи с французским правительственным кризисом появилась возможность отсрочки рассмотрения всей проблемы в целом до сентября, — мысль, которая и была принята впоследствии, однако, уже под давлением обстоятельств иного порядка.

Весь день 7-го марта в Женеве протекали оживленнейшие частные переговоры между отдельными делегациями, — метод введенный английской дипломатией и так успешно ею применявшийся в Локарно. Однако, к открытию пленума Лиги Наций (8-го марта) никакой договоренности еще не было и вступительная речь председателя, португальца Декоста, о «духе Локарно принесшем сюда Германию» и о «духе братства, связующем все народы» звучала обычной, официально-оптимистической риторикой. Дело, по существу, не подвинулось ни на шаг: французская политика и все остальные силы, входящие в эту систему, готовы были немедленно принять Германию только при условии одновременного дальнейшего расширения Совета Лиги.

Германская делегация отправилась в Женеву без всякой определенной программы, — этого в Берлине не скрывали. И руководящие круги германской политики, всячески старавшиеся представить женевский кризис, как внутреннее затруднение Лиги Наций, не означавшее принципиального антигерманского выступления, — с самого начала считали предлагаемый компромисс неприемлемым, а всю ситуацию чрезвычайно опасной. Переговоры, происходившие 10-го марта между Штресеманом и французской делегацией ни к чему не привели, и Испания и Бразилия начали рас-

пространять слухи о своем решении голосовать против Германии. Большую деятельность развили и представители Италии. Ликвидация правительственного кризиса во Франции и приезд Бриана в Женеву только усугубили дальнейшее нарастание того, что уже всюду и всеми было определено совершенно отчетливо — кризис Лиги Наций. Единогласно принятая политической комиссией Лиги, под председательством Чемберлена, резолюция о принятии Германии в Лигу почти не произвела должного эффекта. Кризис достиг своего апогея и зашел в тупик.

Если приезд Бриана внес что-либо новое в направление женевского кризиса, то только то, что испанская и бразильская проблемы как бы отошли на второй план, уступив место еще более выдвинутой и подчеркнутой польской проблеме. Характерно, что это выдвижение польской проблемы за счет других определялось как попытка Антанты спасти разваливающуюся от своей собственной внутренней борьбы организацию Лиги Наций. Эти планы являлись опять-таки попыткой компромисса между Францией и Англией, которые вынуждены были, в целях достижения нужного им эффекта, произвести соответствующее давление на тех, кто в своей непримиримой позиции удачно их заменял. Предполагалось убрать из Совета Лиги Чехо-Словакию или Швецию, Бельгию или Уругвай, и освобожденное место предоставить Польше. Это опять-таки означало уступку со стороны Англии. Соответствующее давление, при ближайшем участии Бонкура, Вандервельда и Тома, было сделано, — и в результате непримиримость Швеции довольно быстро испарилась: 15-го марта шведский представитель и министр иностранных дел Унден в терминах, звучащих как извинение, сообщил германской делегации о своей «добровольной готовности» уйти из Совета, чтобы тем самым предоставить место другой державе, вероятно, Польше. Чехо-Словакия под соответствующим давлением также готова была отказаться от своего места в пользу Польши, сомнения которой, как об этом сообщала английская печать, — о том, стоит ли еще вообще строить свою политическую ориентацию на «Запад» или лучше подумать о «Востоке», — появились весьма кстати, и будучи соответствующим образом оценены английской дипломатией, оказались достаточными, чтобы сделать свое дело. Однако, оттертая дипломатическими переговорами Бразилия не без содействия, вероятно, державы более значительной и весьма заинтересованной в исходе дела, снова вынырнула, категорически подтвердив свое решение, в случае не предоставления ей постоянного места, — голосовать против Германии. Бразильское выступление было весьма своевременным, — очевидно оно направлялось твердой и опытной рукой: оно произошло как раз тогда, когда ситу-

ация начала несколько проясняться, так что Бриан—этот, правда, хитроумный оптимист,—говорил о намечающемся между германской и французской делегациями соглашении. Последняя надежда, не успев вспыхнуть, погасла, и вся постройка, воздвигаемая на фундаменте англо-французского соперничества, протекавшего в условиях сложных дипломатических интриг между захваченными в сферу борьбы и приведенными в движение государствами,—рухнула. Главным участникам только осталось это констатировать, что и было сделано в подписанной 16 марта представителями Германии, Бельгии, Франции и Италии декларации, выражающей надежду на преодоление возникших затруднений в будущей сентябрьской сессии Лиги, когда Германия займет соответствующее место в Лиге Наций.

Намеченная оценка Локарно, как системы, одно политическое острие которой потенциально направлено против Америки, может иметь некоторое оправдание: в этом отношении любопытна та особо враждебная позиция по отношению к Лиге Наций, которая занята была во время мартовской сессии американской печатью, навязывавшей Германии ответственность за исход Женевы,—и, возможно, этим самым прикрывавшей более глубокий политический смысл событий и более тонкие связи (С. Штаты—Бразилия?). При оформлении Локарнской системы, отодвигающей традицию Версальской политики, запутанный клубок противоречий вскрылся и развернулся в Женеве острой политической борьбой, жертвой которой оказалась Германия, пытающаяся через Лигу Наций занять место великой державы. Разразившийся кризис Лиги Наций отодвинул вступление в силу локарнского договора. Германская политика оказалась несвязанной и, получив в Женеве хороший урок «языка Европы», снова повернулась в сторону Востока, более активно приступив к переговорам относительно заключения с Советским Союзом договора о нейтралитете. Впоследствии германская пресса, оправдывая этот шаг перед Западом,—указывала, что советско-германские переговоры начались еще в декабре 1924 года. Первое сообщение английской газеты¹ относительно предстоящего подписания советско-германского договора вызвало сильное политическое возбуждение. Виднейшие германские политические деятели открыто высказались за необходимость для Германии в данных условиях уравновесить свой зафиксированный в Локарнских актах сдвиг в сторону Запада, политическим договором с Советским Союзом. Немалую роль в этих усилившихся политических тенденциях относительно Советского Союза играл оживленно обсуждавшийся вопрос о

¹ «The Times» от 13 апреля 1926 г.

перспективе франко-советского сближения. Все попытки официоза германского министерства иностранных дел доказать, что между женевским кризисом и советско-германскими переговорами нет никакой причинной зависимости, — ни к чему не привели. В германской печати можно было встретить совершенно определенную оценку этих переговоров. «Тесная связь с Россией, которая могла бы втянуть нас в опасные конфликты, — невозможна, — писал, например, Т. Вольф. — Но с другой стороны, для нас столь же невозможно принять статьи 16 и 17 статута Лиги Наций, которые могут нас принудить в выступлении против России — предоставлением свободного прохода через нашу территорию и участием в экономическом бойкоте».¹ С точки зрения германской политики время советско-германских переговоров выбрано было не слишком удачно: очевидно, поняли, но несколько поздно, что более раннее выступление с советско-германским договором, имел бы больший политический эффект даже с точки зрения «западной» ориентации германской политики. Но новые тенденции, идущие навстречу английской политике, парализовали своевременный и нужный шаг Германии в сторону Советского Союза. На этот шаг решились в результате той доли скепсиса, которая поневоле была почерпнута из непосредственного соприкосновения с Лигой Наций. Английская политика и инспирированная ею пресса сначала пытались дать событиям весьма осторожную и по существу двойственную оценку: отмечались наступательная активность советской политики против Лиги Наций, самый же факт переговоров Германии с Советским Союзом официально оценивался в терминах довольно сдержанных. Но за этой формальной позицией развернулась деятельная политическая работа по срыву благоприятно протекающих переговоров между Германией и Советским Союзом. Действовать английской политике приходилось, очевидно, весьма осторожно, т. к. Франция, усматривая в советско-германском договоре возможность ревизии восточных германских границ, с самого начала активно выступила против него, и пыталась использовать сложившуюся ситуацию, чтобы снова вернуть себе утраченные в Локарно позиции. В таких условиях английская политика старалась использовать французскую инициативу, — без того, чтобы самостоятельным резким выступлением создать напряженность в своих отношениях с Германией, а с другой стороны, допустить ревизию локарнской системы. По намеченному во Франции плану, в виде противодействия советско-германским переговорам о заключении договора, — предполагалось объявить локарнские

¹ «Berliner Tageblatt» от 18 апреля 1926 г.

акты действующими без вступления Германии в Лигу Наций.—В непосредственной связи с этим планом стояли переговоры в Варшаве Поль Бонкура о заключении между восточными государствами ряда пактов, одно острое которых должно было быть направлено против Советского Союза, а другое против Германии. Последнее являлось рецидивом старых англо-французских планов — установить широкий и высокий барьер между Советским Союзом и Германией,—планов, столь блестяще развитых на Парижской мирной конференции и положенных в основу системы версальского мира. Осуществление этой программы означало бы возвращение к Франции ее старых позиций: Англия осталась бы изолированной,—Германия оказалась бы отрезанной от Советского Союза, окруженной системой мелких государств, непосредственно связанных с французской политикой, а Локарно было бы притуплено в своих противofранцузских заострениях. Вместе с советско-германскими переговорами, или пользуясь ими, со стороны Франции делались попытки сорвать и Локарно. Французская пресса, как бы возвращаясь ко времени появления Раппальского договора, снова заговорила о «русско-германском блоке», направленном против Версальского договора, и в виде аргументации, рассчитанной, конечно, и на Лондон,—подтверждала то, что раньше отвергала: заслуга Локарно,—это говорилось открыто,—отрыв Германии от Советского Союза, и если, благодаря подготавливающемуся советско-германскому договору, это не удастся сделать, то Локарнские акты стоят того, чтобы их бросить в корзину. Дабы несколько приостановить ту кампанию против Германии, которая началась и все более усиливалась, а также, вероятно, под внешним влиянием, с германской стороны тотчас же было указано, что предметом переговоров с Советским Союзом является лишь договор об ограниченном нейтралитете и что, таким образом, в случае нападения Советского Союза на какое-либо государство, Германия не будет обязанной по отношению к нападающей стороне соблюдать нейтралитет¹. По сообщению официальной английской прессы именно эти сведения оказались достаточными, чтобы Лондон уклонился от французских планов организовать англо-американскую интервенцию в Берлин, дабы заставить германскую политику выбирать между Локарно и Москвой. Франция, очевидно, старалась остаться в тени, дабы, скомпрометировав политику Локарно, выступить с самостоятельной политической программой. Но именно этого английская политика допустить не могла, и вместо того, чтобы своими или чужими руками ломать систему Локарнских отношений, приступила

¹ «Kölnische Zeitung» № 279 от 15 апреля 1926 г.

к тихому, но настойчивому воздействию на Германию в том отношении, чтобы притупить эффект и уменьшить общее политическое значение подготовляемого советско-германского договора. Подчеркивалось, что советско-германские переговоры относятся к вопросам исключительно экономического порядка, что вопрос о нейтралитете ни в какой форме в переговорах не поднимался,—и в этой подмене сущего желаемым, быть может, и отразилось то направление, которое английская политика пыталась дать советско-германским переговорам.

Параллельно этим переговорам и в связи с ними шли переговоры между Англией и Германией (через лорда д'Абернона и германского посла в Лондоне Штамера) и между Польшей и Чехо-Словакией. Весь этот круг политической работы, как вскоре выяснилось, был сведен к одному центру: методы были разные, но цель одна — не допустить заключения советско-германского договора. Вопрос о том, прибегала ли Англия в переговорах с Германией непосредственно к политическим угрозам, пока не имеет своего освещения. Всего возможней, что этот метод воздействия был предоставлен другим, а английская политика пыталась перенести советско-германские переговоры на другие рельсы, соблазняя Германию различными перспективами, в частности, вероятно, обещанием провести ее в Совет Лиги Наций на ближайшей же сессии, и без того, чтобы провести туда же и Польшу. В связи с этими переговорами и можно поставить выступление газеты, близкой к германскому министерству иностранных дел, с явным раздражением указывавшей на то, что Германия была уже однажды обманута в Локарно фактом секретного англо-французского обещания предоставить Польшу место в Совете Лиги Наций. «Советско-германские переговоры» показывают, — писала газета, — что Германия снова способна вести самостоятельную политику. Если в Локарно Германия находилась еще до некоторой степени под давлением английской инициативы, пользующейся Германией, как инструментом для достижения английских целей, — то переговоры с Россией являются показателем того, что Германия решилась и в состоянии вести такую политику, которая, как на первый взгляд может показаться, стоит в противоречии с интересами Западных держав». ¹ Столь резкая и необычная для германского официоза статья свидетельствовала, что окрепшая Германия пытается эмансипироваться от постоянного английского влияния, и, можно думать, выражала собой отказ германской политики следовать в своих переговорах с Советским Союзом указаниям Лондона. Самый

¹ «Deutsche Allgemeine Zeitung» № 178—179, 18 апреля 1926 г.

факт роста влияния германской политики был неприемлем для Франции и ее восточных союзников, а то, что этот рост шел за счет сближения с Советским Союзом — было неприемлемо и для Англии. Во всяком случае, именно с того момента, когда выяснилось, что Германия, начатые с Советским Союзом переговоры, доведет до конца, — усилилась активность английской политики, действующей, главным образом, через Варшаву и Прагу. Именно здесь поднят был вопрос о том, что в связи с предстоящим заключением советско-германского договора Антанта должна пересмотреть свои точки зрения относительно вступления Германии в Лигу Наций. Кроме этой угрозы намечалась специальная дипломатическая интервенция в Берлин Малой Антанты, поддержанной и Польшей. Интервенция эта предполагалась в виде вручения Германии меморандума, заключающего ряд вопросов относительно предстоящего подписания договора с Советским Союзом. Вопросы эти выработаны были министром иностранных дел Чехо-Словакии Бенешем, однако, как затем выяснилось, по приглашению английской дипломатии¹. Меморандум был отослан в Лондон для предварительного секретного пользования Форейн-Оффиса. Новая форма интервенции в Берлин — не удалась: германское правительство заранее объявило о том, что будет рассматривать подобные попытки, как вмешательство в свои внутренние дела², сделанные разоблачения закулисных нитей интервенции скомпрометировали самую ее идею, а меморандум Бенеша был разослан всем участникам Локарнской конференции, кроме Германии. Большой и Малой Антанте осталось только требовать скорейшего опубликования полного текста договора, тем самым заранее предоставляя себе возможность утверждать наличие в договоре секретных статей.

24 апреля 1926 г. в Берлине советско-германский договор о нейтралитете был подписан. По типу своему он был подобен советско-турецкому договору о нейтралитете и ненападении, заключенному 17 декабря 1925 г. вскоре после Локарно и в ответ на попытки окружения Советского Союза. Берлинский договор, заключенный между Германией и Советским Союзом состоит из четырех статей и, кроме того, двух нот, составляющих его интегральную часть. Как и советско-германский торговый договор, Берлинский договор о нейтралитете особо отмечает, что Раппало является базой дальнейшего развития советско-германских отношений. Этот пункт имеет особое значение в условиях обыч-

¹ «Kölnische Zeitung» № 300 от 23 апреля 1926 г.; «Daily Telegraph» № 22148 от 24 апреля 1926 г.

² «Deutsche diplomatisch-politische Korrespondenz» № 91 от 21 апреля 1926 года.

ного противопоставления Раппало—Локарно: он является формальным подтверждением установившихся отношений между обеими странами. В развитие этого положения договор установил необходимость контакта между Германией и Советским Союзом по экономическим и политическим вопросам, имеющим отношение к обеим сторонам. «Оба правительства,—говорится в ноте германского правительства и в ответной ноте советского правительства,—исходили из того мнения, что согласование всех вопросов политического и экономического характера, касающихся обеих стран, существенным образом будет способствовать сохранению всеобщего мира». Центральным пунктом договора является статья 2-я устанавливающая принцип нейтралитета: «Если вопреки своему мирному поведению одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта». Таким образом, установленное договором обязательство нейтралитета имеет ограничительный характер. Этот пункт является для Германии воротами, к вступлению в Лигу Наций, статут которой требует обязательного применения санкций против нападающей стороны, независимо от того, является ли последняя членом Лиги Наций (ст. 16 и 17 статута). Тем самым вступление Германии в Лигу ставит в отношении определения нападающей стороны вопрос: а судьи кто?,—ибо всегда имеется опасность соответствующего постановления Лиги Наций, в случае каких-либо осложнений,—объявить Советский Союз нападающей стороной, и потребовать от членов Лиги применения военных и экономических санкций. Перед Германией в таких условиях встает опасность превратиться в орудие чужих политических целей, достижение которых может идти через аппарат Лиги Наций. Исходя из этой возможности, германское правительство в своей ноте, составляющей неразрывную с договором часть, не только подтвердило, что вступление в Лигу Наций не может быть для Германии препятствием благоприятному развитию отношений с Советским Союзом, но и пошло далее: признавая мирный характер Лиги Наций (советское правительство в ответной ноте заявило, что не разделяет этой оценки), оно наметило свою позицию в Лиге по вопросам, затрагивающим интересы Советского Союза и, в частности, установило свое отношение на случай, если Лига Наций объявит Советский Союз нападающей стороной. «Если бы... в среде Лиги Наций возникли когда-либо стремления, которые в противоречии с этой основной чертой мира, были бы односторонне направлены против СССР, германское правительство будет со всей энергией противодействовать таким стремлениям».—«При этом

надлежит иметь в виду, что вопрос о том, является ли СССР нападающей стороной, мог бы быть разрешен с обязательной для Германии силой только при ее согласии и что, таким образом, выдвинутое против СССР в этом отношении со стороны других держав, по мнению Германии, необоснованное обвинение не будет обязывать Германию участвовать в мероприятиях, предпринятых на основании статьи 16-й. Германия взяла, следовательно, обязательство не только противодействовать в пределах Лиги Наций организации антисоветского блока или отдельным выступлением, направленным против Советского Союза,—но и ограничивать для себя обязательность применения санкций, согласно статьи 16-й статута Лиги Наций, против Советского Союза. В этом вопросе вместо полученных в Локарно туманных обещаний, считается в применении статьи 16 статута с военным и географическим положением страны, Германия до вступления в Лигу Наций самостоятельным политическим актом установила для себя ограничения в обязанности выступлений против Советского Союза. В одной из статей Берлинского договора (ст. 3) выражено, кроме того, обоюдное согласие в том, чтобы ни в мирное время, ни во время конфликта с третьей державой, обе стороны не будут принимать участия в коалициях, имеющих целью установить экономический или финансовый бойкот, направленный против одной из сторон. Для разрешения же спорных вопросов между Германией и Советским Союзом, договор установил возможность применения либо согласительных, либо арбитражных форм.

Все эти положения Берлинского акта представляют огромное значение для Советского Союза и его отношений с капиталистическим окружением. Острие, направленное против Советского Союза политикой Локарно и вступлением Германии в Лигу Наций, притупляется этим договором, снова в значительной мере восстанавливающим брешь в капиталистическом окружении Советского Союза. В этом отношении совершенно не приходится говорить об аналогии с Бисмарковской системой, установленной договором о «перестраховке», ибо эту тонкую дипломатическую комбинацию следует рассматривать не только в связи с австро-германским союзом, но и в связи с ролью Германии в построении Средиземноморской Антанты: положенное на дно договора обещание, предоставить России Константинополь,—по существу, устранялось образованием англо-австро-итальянской комбинации. Эта аналогия, кстати сказать, довольно обычная в прессе и в литературе¹.

¹ См. напр. Fank H. Simonds. How Europe made peace without America, p. 322

столь же мало подходит и с точки зрения оценки роли Берлинского договора для германской политики: современной Германии приходится действовать в совершенно иных и гораздо более сложных условиях, чем тогда, когда Бисмарк союзом с Австро-Венгрией страховал себя от России, а соглашением с Россией страховал от нападения Франции. Но значение Берлинского договора для Германии столь же велико, как и для Советского Союза. Этим договором, заключенным вопреки давлению с Запада, Германия установила новое основание для укрепления своих отношений с Советским Союзом, и одновременно, в значительной мере устранила возможность превращения своей политики в слепое орудие для достижения чуждых ей целей. Это было сделано после подписания Локарнского акта, но до вступления в Лигу Наций, и, таким образом, Германия шла к Женеве, сильная своей связью с Востоком и гарантией, что со стороны последнего не будет сделано никаких попыток вступить в направленную против нее коалицию военного, политического, экономического и финансового характера. Неудивительно, что французский официоз, оценивая Берлинский договор, как отход Германии от дороги в Женеву, выражал недовольство более всего тем, что международно-политическая позиция Германии укрепилась именно накануне вступления последней в Лигу Наций¹. Еще более резкие и определенные оценки значения Берлинского договора даны были в Италии, где недвусмысленно указывалось, что советско-германский договор о нейтралитете сильно уменьшил важность привлечения Германии в Лигу Наций, что Германия получила орудие для давления на своих победителей и что организацией «восточного блока» следует противопоставить мощный блок западных держав.

Официальное отношение великих держав к этому договору можно было бы назвать вынужденным безразличием. В действительности же, несмотря на кампанию германской политики и прессы, старавшейся доказать Западу, что Берлинский договор ничего принципиально нового в германской политике не означает, реакция была достаточно сильна, — и это выразилось, с одной стороны, в демонстрации англо-французского и англо-итальянского сближения, а с другой стороны, — в усиленном обсуждении планов организации сложной системы, направленной против советско-германского сближения. «Берлинский договор писал, например, французский «Journal» является политическим актом и должен поэтому получить также политический ответ. Чтобы сохранить положение восточных границ, нужно, следовательно, образовать блок восточных держав, кото-

¹ «Temps» № 23631 от 26 апреля 1926 г.

рый предоставил бы Польше и Чехо-Словакии нужную опору. Система Локарно может лишь тогда получить мирное завершение, когда оборонительные союзы установят защиту на Востоке и на Западе»¹. Одновременно в Англии рассматривался вопрос о том, чтобы Лига Наций отказала Германии в регистрации Берлинского договора, но в конце концов официальная точка зрения по этому вопросу выражена была в том смысле, что хотя договор с юридической точки зрения и не подлежит возражению, он все же в будущем может послужить основанием для больших затруднений. Ллойд-Джордж, анализируя значение Берлинского договора и рассматривая послевоенную политику Франции, как построение системы союзов, довольно резонно выразил удивление тому, что «в случае, если Россия и Германия последуют примеру этого блестящего приверженца Лиги Наций, — они будут обвинены в нарушении статута Лиги Наций»². Для того, чтобы предотвратить возможность советско-германского союза, Ллойд-Джордж предлагал немедленно исправить ошибки мартовской сессии Лиги Наций, в первую очередь, тем, чтобы открыть Германии свободную дорогу в женевскую организацию.

В конце-концов, именно эта точка зрения и восторжествовала в английской политике, которая для расширения своего политического влияния в Европе, нужного ей, как база активной политики на Востоке, для ослабления Франции и изоляции Советского Союза, пыталась создать новую систему европейских отношений. В этой системе Германии отведена была роль противовеса Франции и плацдарма для наступления на Советский Союз. Но Версальская система была потрясена. Германия на базисе капиталистической стабилизации начала превращаться из государства объекта политики Антанты в государство, являющееся субъектом самостоятельной политики и пытающееся добиться былой мощи империалистической державы. Значение экономически и политически восстанавливающейся Германии стало увеличиваться, и германская политика начала довольно удачно лавировать, маневрировать и пользоваться теми возможностями, которые представляются в условиях борьбы и соперничества больших и малых держав. Берлинский договор и вступление в Лигу Наций очерчивает общий круг политического балансирования Германии между Востоком и Западом. Но и «западная» политика Германии не является простой прямой, ибо противоречия взрываются в самых различных пунктах международно-политической практики, и

¹ Цит. по «Berliner Tageblatt» № 205 от 3 мая 1926 г.

² D. Lloyd-George. Die Bedeutung des deutsch-russischen Vertrags «Neue Freie Presse». № 22137 от 1 мая 1926 г.

если вскоре после вступления Германии в Лигу Наций и всего лишь через три года после произведенной Раймондом Пуанкаре оккупации Рура начало намечаться франко-германское сближение, к тому же проводимое министерством того же Пуанкаре, то может показаться, что диалектика как бы избрала послеверсальскую действительность для своих самых тонких и изощренных упражнений и уроков. Подобно тому, как Англия строила свою политику на франко-германском антагонизме, Германия на определенной стадии своего восстановления получила возможность пользоваться англо-французским соперничеством. Это можно рассматривать, как выражение возрастающего влияния Германии в неустойчивой системе европейских отношений, и хотя в данном ее аспекте сказывается английская политика Локарно, но сказывается так, как этого не желал бы Форейн Оффис. Если Франции не удалось избежать Локарно, то ей пришлось использовать вновь сложившуюся ситуацию, дать политике Локарно свою, французскую, интерпретацию. Переговоры между представителями французской и германской тяжелой индустрии закончились образованием грандиозного международного стального объединения. Политическая ситуация способствовала попыткам франко-германского сближения, а с другой стороны, экономическое сближение бывших врагов стало проявляться в попытках политического оформления, как некоего внешнего условия, как определенной гарантии. Продолжение англо-французского соперничества, резкое обострение франко-итальянских отношений, наконец, общая зависимость от С. Штатов,—все это подготовило политическую почву для первых шагов франко-германского сближения, — ситуации, предотвращение которой является традицией английской политики. Свидание ответственных руководителей внешней политики Франции и Германии в Туари являлось попыткой установить франко-германское сближение на основе разрешения ряда конкретных вопросов, затрагивающих интересы обеих сторон. После Берлинского договора—Туари было следующим ударом по английской политике Локарно, а с точки зрения всей послевоенной истории англо-французских отношений—это было выражением углубляющихся противоречий, развертывающихся на более широкой основе, где в качестве активной силы стала выступать и Германия. Политика Туари заставила Лондон принять шаги к предотвращению образования франко-германского блока, а для устранения препятствий, чинимых политике Туари французскими блюстителями Версальского трактата, Берлин предпринял свои шаги там, откуда можно было достичь соответствующего эффекта: англо-германской конференцией представителей индустрии в Ромси, Германия как бы хотела показать, что она вовсе не пере-

оценивает попытки «континентального», т.-е. франко-германского сближения, и что этим попыткам может сопутствовать, а если потребуются, то и противостоять сближению с Лондоном. В Роме наряду с другими вопросами, поставлен был вопрос об отношениях к Советскому Союзу. По сообщениям прессы, кстати сказать, весьма скудным, представители Германии «принимавшие участие в этих переговорах сделали весьма интересное сообщение, касающееся опыта немецких деловых кругов в России, и защищали ту точку зрения, что Россия, несмотря на временное понижение ее покупательной способности имеет колоссальное значение для европейской промышленности. Точно также было указано, на возможность англо-германского сотрудничества в этой области»¹.

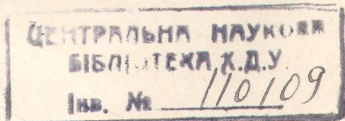
В своей западной политике, Германия сумела использовать не только англо-французские, но и франко-итальянские противоречия, заложенные в плоскости средиземноморской и ближневосточной проблемы и развернувшиеся во всей своей глубине. 29-го декабря 1926 г. в Риме был подписан итало-германский договор о третейском разбирательстве и мирном разрешении конфликтов. Своим появлением договор этот обязан Италии, предполагавшей оказывать давление на Францию, особенно в виду опасных тенденций франко-германского сближения, — Германии, предполагавшей оказать давление на Францию, дабы напомнить ей о политике Туари и получить ряд уступок связанных с действием Версальского Трактата, и, наконец, Англии, которая поддержкой итало-германского сближения продолжала свою политику вовлечения Германии в сферу своего влияния и тем самым, в частности, отрыва от Советского Союза. Но корни итало-германского сближения уходили гораздо дальше, вглубь колониальной проблемы, в которую упирается и фашистская Италия, и пытающаяся выйти на дорогу империалистической политики — Германия. Итало-Германское сближение облегчалось тем, что в разрешении колониальной проблемы обе стороны ко времени подписания арбитражного договора выступали не как силы, соперничающие между собой, а как силы друг друга поддерживающие: если Италия добивалась (и добивается) самостоятельного владения колониальными мандатами, то Германия на первых порах готова была удовлетвориться правом экономической деятельности в чужих колониях. Английская печать в свое время обратила внимание на выработанный директором Рейхсбанка Шахтом проект организации в Германии специальных колониальных обществ для эксплуатации природных богатств в тропиче-

¹ «Bergwerkszeitung» от 15 октября 1926 г.

ских и других наиболее отсталых странах. Одновременно существовал план привлечения американских капиталов в русло германской экономической колониальной деятельности.

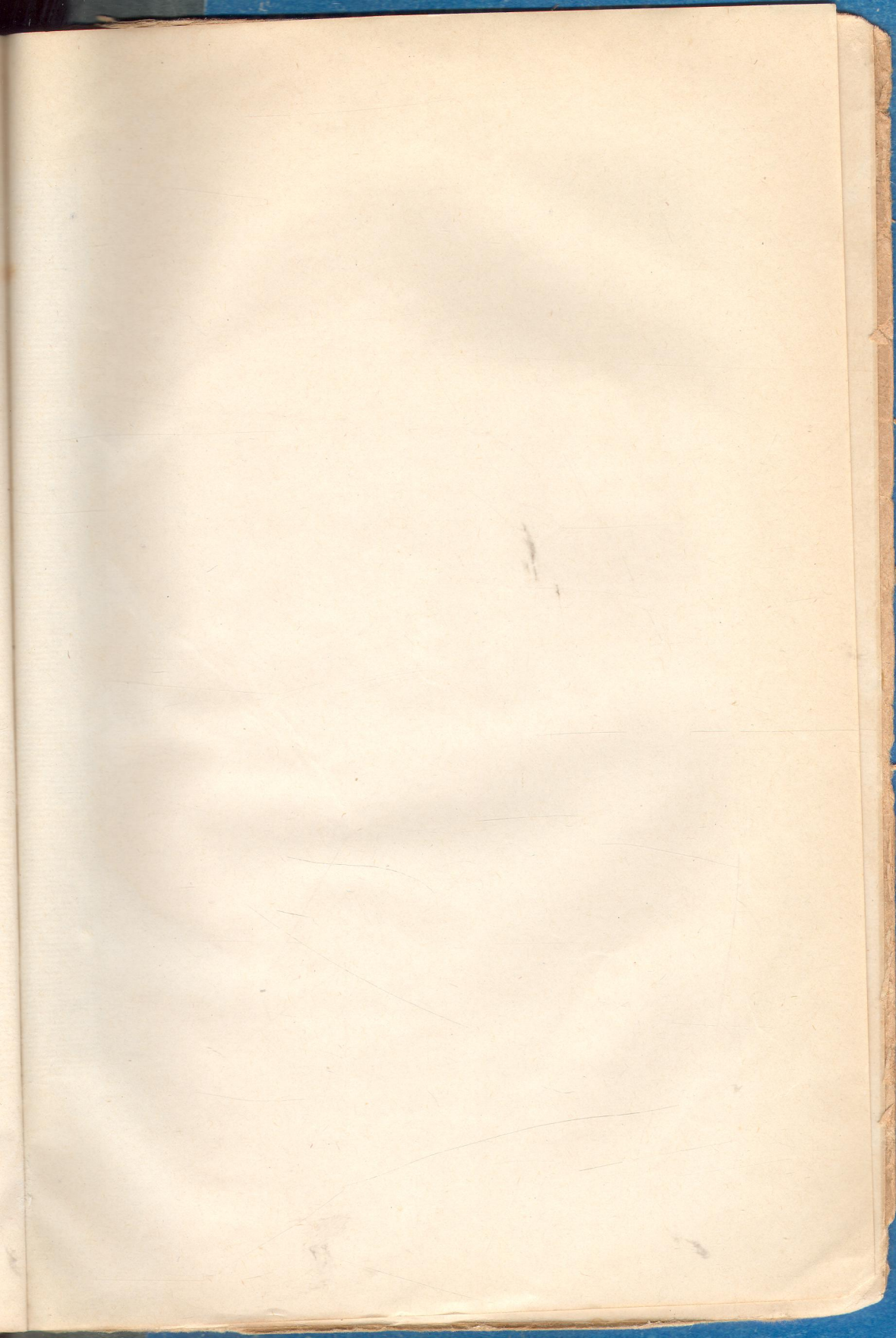
Все эти и последующие политические зигзаги германской политики, действующей в неустойчивой системе европейских отношений, сводятся к одной совершенно определенной линии: Германия пытается, — и не без успеха, — восстановить свои позиции великой державы на арене европейской и даже мировой политики. Эта линия проводится на основе укрепления народного хозяйства Германии, начавшегося после лондонской конференции 1924 г. и продвинувшегося благодаря иностранным кредитам и импорту, главным образом, американских капиталов, — а характерной чертой международной политики Германии последнего периода является активная политика балансирования между Востоком и Западом, а с другой стороны, попытка использовать противоречия между западными империалистскими державами. Трудно говорить в терминах конкретных о тех политических тенденциях и планах, которые лишь начинают намечаться и не имеют своего определенного завершения, тем более, что лозунг отказа от тайной дипломатии увял на Западе вместе с великим американским неудачником. Официальную позицию нейтралитета, занятую Германией в условиях англо-советского разрыва, можно считать символом этой политики балансирования между Лондоном и Москвой. Версальская система означала возможность использовать слабость Германии, — система Локарно — возможность использовать ее усиление. Это усиление Англия пытается использовать и против Советского Союза, который, однако, сумел Берлинским договором отчасти парализовать направленное против него острие Локарно. Этим договором Германия еще более подняла свою цену для той стороны, которой нужно ее использовать. На каком из полярных пунктов своего балансирования между Востоком и Западом Германия остановится — покажет будущее. Но в борьбе за это будущее приходится принять во внимание сложный комплекс противоречий, вскрывающихся во всех пунктах послевоенной действительности. Дальнейший ход социально-классовой борьбы дает основное направление. В аспекте же международно-политическом имеется целый ряд экономических и политических моментов, толкающих Германию в сторону сближения с Советским Союзом, но с другой стороны, на вопросе о характере отношений к Советскому Союзу отражается и тот запутанный круг противоречий, в котором живет и развивается Германия: репарационный вопрос, проблема сырья и рынков, проблема инвестиции капитала, перспектива англо-германского экономиче-

ского соперничества и все другие вопросы с этими переплетающиеся (проблема межсоюзнических долгов и пр.) и, наконец, вся система международно-политических отношений. В частности, весьма важное значение для отношений Германии к Советскому Союзу имеет дальнейший ход развития англо-американского соперничества, позиция и активность американской политики в европейских делах и вопрос о том, как сложатся отношения между С. Штатами и Советским Союзом. Политике и дипломатии Советского Союза на данном участке своей работы придется действовать в чрезвычайно сложной обстановке, однако, история советско-германских отношений и активность советской политики в борьбе за мир и против планов окружения Советского Союза, — все это дает основание полагать, что будут использованы до конца те тенденции, которые направляют германскую политику с Запада на Восток.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
О постановке вопроса	9
Глава первая. Брестский мир и крушение Германской империи .	12
Глава вторая. „Карфагенский мир“	39
Глава третья. В тупике версальской системы	72
Глава четвертая. На переломе	100
Глава пятая. Между Востоком и Западом	133

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава I. Общие сведения

Глава II. Описание местности и климата

Глава III. Описание населения

Глава IV. Описание хозяйства

Глава V. Описание культуры

Глава VI. Заключение

